

ISSN 2072-5574

**ВОПРОСЫ
ЭКОНОМИКИ И ПРАВА**

**№2 (128)
2019**

Редакционный совет

А.П. Торшин — кандидат юридических наук, Заместитель председателя — статс-секретарь Банка России, Председатель редакционного совета журнала «Вопросы экономики и права»

Е.М. Ашмарина — доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой правового обеспечения экономической деятельности Российского государственного университета правосудия, Главный редактор журнала «Вопросы экономики и права»

А.Г. Лисицын-Светланов — доктор юридических наук, профессор, академик РАН, Институт государства и права Российской академии наук

В.Н. Викторов — доктор экономических наук, профессор, руководитель центра специал. программ С.-Петербург. горного университета

Ю.В. Голик — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

С.Н. Сильвестров — доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН, Директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности, профессор Департамента мировой экономики и мировых финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

А.В. Мещеров — доктор экономических наук, профессор, Главный редактор журнала «Экономические науки»

А.А. Ливеровский — доктор юридических наук, профессор Кафедры конституционного и административного права НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге

Журнал включен в Перечень ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Учредитель: ООО «Экономические науки»

Адрес: 125057, г. Москва, Чапаевский пер., 3–775

E-mail: info@law-journal.ru

Сайт: <http://law-journal.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-31419 от 6 марта 2008 г.

Подписной индекс 20387 (Агентство «Роспечать»)

ISSN 2072-5574

Дата выхода издания 28.02.2019

Формат 60x84/8

Усл. печ. л. 9.18

Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «24 Принт»

Редакционная коллегия

Е.М. Ашмарина — доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой правового обеспечения экономической деятельности Российского государственного университета правосудия, Главный редактор журнала «Вопросы экономики и права»

О.Ю. Бакаева — доктор юридических наук, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии

В.В. Болгова — доктор юридических наук, профессор, Первый проректор по учебной и воспитательной работе, зав. кафедрой теории и философии права Самарского государственного экономического университета

А.А. Павлушина — доктор юридических наук, профессор, Директор института права Самарского государственного экономического университета

С.А. Махошева — доктор экономических наук, профессор, Зав. отделом «Региональный менеджмент» Института информатики и проблем регионального управления Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук

А.М. Михайлов — доктор экономических наук, профессор Самарского государственного экономического университета

В.В. Симонов — доктор экономических наук, профессор, Зав. кафедрой истории Церкви Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

И.А. Шулятьев — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

А.А. Алексеев — доктор экономических наук, профессор, Директор Центра инновационного развития, профессор кафедры экономики предприятия и производственного менеджмента Санкт-Петербургского государственного экономического университета

В.Ф. Понька — доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права, процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов

А.Г. Зельднер — доктор экономических наук, профессор Института экономики Российской академии наук

М.Ф. Гуськова — доктор экономических наук, профессор Института пути, строительства и сооружений Российского университета транспорта (МИИТ)

П.В. Павлов — доктор экономических наук, доктор юридических наук, доцент, директор Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного Федерального Университета

Р.И. Хансевяров — доктор экономических наук, профессор Самарского государственного экономического университета

Главный редактор

доктор юридических наук, профессор **Е.М. Ашмарина**

Ответственный секретарь редакции

доктор юридических наук, профессор **В.В. Болгова**

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

- Данилов Ю.С.** Значение категории «законные интересы» для защиты имущественных прав авторов и иных правообладателей 7
- Кочиева О.А., Караева Л.Х.** Некоторые проблемы и перспективы взаимодействия парламента РФ с органами государственного управления 13
- Малис Ж.В.** Договор долевого участия в строительстве и предварительный договор купли-продажи: сравнительный анализ 16
- Хасимова Л.Н., Ющенко Н.А.** Процессуальные особенности рассмотрения дел об установлении происхождения детей 21

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; НАЛОГОВОЕ ПРАВО; БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО

- Бакаева О.Ю., Устинова А.В.** Основные направления применения цифровых методов и технологий в таможенной сфере: правовые вопросы 27
- Голубитченко М.А.** Направления развития финансовых технологий как аспект правотворческой политики Центрального банка Российской Федерации 40

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

- Мусабинова Д.А., Мельникова Н.Н.** Основания признания лица наследником, имеющим право на обязательную долю при наличии иностранного элемента: некоторые аспекты правоприменения 47
- Ющенко Н.А., Гайфутдинова Р.З., Хасимова Л.Н.** Правовое регулирование франчайзинга в Австралии 50

ЭКОНОМИКА. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

- Зельднер А.Г.** Правовое поле в системе управления партнерскими отношениями государства и бизнеса 57
- Терехова Е.В.** Инновационная инфраструктура инвестиционной модели (финансовые, организационно-правовые, институциональные аспекты) 61

ECONOMIC AND LAW ISSUES (АНГЛИЙСКАЯ ВЕРСИЯ) 69

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА;
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ**

ЗНАЧЕНИЕ КАТЕГОРИИ «ЗАКОННЫЕ ИНТЕРЕСЫ» ДЛЯ ЗАЩИТЫ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ АВТОРОВ И ИНЫХ ПРАВООБЛАДАТЕЛЕЙ

© 2019 Данилов Юрий Сергеевич

Генеральный директор ООО «ЮСД Групп»

129110, г. Москва, пр-т. Олимпийский, д. 16, стр. 5

E-mail: info@usdgroup.ru

Статья посвящена анализу имущественных интересов авторов и иных правообладателей, разработке категории «законные интересы» применительно к вопросам охраны и защиты принадлежащих им исключительных и иных имущественных прав.

В статье обосновывается вывод о том, что понятие «законный интерес» несет особую смысловую и регулятивную нагрузку, позволяя сочетать защиту интересов правообладателей с возможностью наиболее гибкого толкования правовых норм, закрепляющих связанные с такими интересами субъективные права и юридическую ответственность.

Автор отмечает, что понятие «законный интерес» может использоваться в качестве системообразующего при рассмотрении вопросов возмещения вреда, причиняемого авторам и иным правообладателям в случае нарушений принадлежащих им исключительных и иных имущественных прав.

Ключевые слова: произведение, автор, авторское право, смежные права, правообладатель, исключительное право, нарушение авторских прав, защита авторских прав, нарушение исключительного права, информационный посредник, информационные ресурсы, убытки, возмещение убытков.

На протяжении последних десятилетий происходило интенсивное развитие законодательства о защите исключительных и иных имущественных прав авторов и других обладателей авторских и смежных прав, сопровождавшееся изменением правовых подходов и закрепляющих их правовых норм, в том числе неоднократной модификацией положений о компенсации за нарушения исключительных прав.

Как отмечает Л.А. Новоселова, развитие законодательства, регламентирующего на современном этапе вопросы, связанные с интеллектуальной собственностью, приобрело «многовекторный характер» [7, С. 3], учитывающий интересы различных сторон общественных отношений, наличие сложных внутренних системных противоречий и необходимость поиска новых решений в условиях продолжающегося технологического развития.

Однако происходящие изменения в части защиты исключительных и иных имущественных прав на произведения и объекты смежных прав, как правило, основывались на попытках эмпирического поиска оптимальных вариантов борьбы с нарушениями и не сопровождалась своевременной разработкой теоретических оснований для вносимых в законодательство изменений.

Отсутствие базовых принципов, которые должны лежать в основе обеспечения защиты прав и законных интересов авторов и правообладателей, приводит к непоследовательному развитию и усложнению правового регулирования, а также препятствует формированию устойчивой и единообразной судебной практики.

В частности, в недостаточной степени анализировались имущественные интересы авторов и иных правообладателей, разработка данной категории применительно к вопросам охраны и защиты имущественных прав и законных интересов авторов и иных обладателей исключительных прав практически не осуществлялась.

Интерес участника правоотношения не всегда возможно обеспечить только за счет предоставления такому участнику определенного субъективного права [10, С. 362], что обусловило широкое использование конструкции «права и законные интересы» в законодательных актах различной отраслевой принадлежности. При этом термин «законный интерес» в законодательстве не определяется, содержание данного термина составляет предмет научных дискуссий в теории права [9, С. 35; 1, С. 56].

Законные интересы, наряду с субъективными правами, признаются самостоятельными

объектами правовой охраны и защиты [10, С. 362]. Так, статья 3 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статья 4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации предусматривают возможность обращения за защитой как нарушенного или оспариваемого права, так и законного интереса, при этом правильным представляется мнение о том, что «охраняемый законом интерес порождается именно нормой материального права, процессуальная норма служит средством его защиты и обеспечения принудительного удовлетворения» [3, С. 95].

Необходимость признания наряду с субъективными правами существования также законных интересов в качестве более обширной по своему охвату правовой категории обусловлена тем, что разнообразие интересов граждан и юридических лиц делает невозможным полное и своевременное отражение таких интересов, а также учет всех особенностей возникающих на практике ситуаций в правовых нормах, закрепляющих конкретные субъективные права.

Многообразие возможных интересов, обусловленное динамизмом и сложностью социальных связей, общественных отношений, возникающих между субъектами гражданского права в современном обществе, влиянием факторов индивидуальности и случайности не позволяет обеспечить выражение таких интересов в форме субъективного права, требует более широких форм их выражения и защиты. Как справедливо отмечает Г.В. Мальцев: «не все социальные интересы, находящиеся под защитой права, могут и должны выступать в форме субъективного права» [6, С. 364]. Такая ситуация для сферы гражданского права обусловлена, в частности, тем обстоятельством, что «область дозволенного не исчерпывается одними лишь субъективными правами ... в конструкции охраняемого законом интереса объединяются в единое целое юридически защищенный интерес и правовая возможность удовлетворить его» [11, С. 88].

В случае если интересы субъектов права не противоречат принципам права и установленным нормативным предписаниям, они могут признаваться законными и для их защиты могут применяться те же способы, которые предусматриваются для защиты наиболее тесным образом связанных с ними субъективных прав.

Таким образом, охрана законного интереса может обеспечиваться независимо от наличия

или отсутствия его непосредственного выражения в форме субъективного права, выступая в качестве предоставляемой и гарантируемой государством правовой возможности, включая дозволение, разрешение, а также отсутствие запрета для осуществления действий и предъявления требований, направленных на получение определенных материальных или нематериальных благ. Государство предоставляет обладателю такого законного интереса право обращаться за его защитой: «Под законным интересом следует понимать стремление субъекта пользоваться определенным социальным благом и в некоторых случаях обращаться за защитой к компетентным органам в целях удовлетворения не противоречащих нормам права интересов, которое в определенной степени гарантируется государством в виде юридической дозволенности, отраженной в объективном праве либо вытекающей из его общего смысла» [10, С. 363–364].

Законный интерес может рассматриваться как предоставление его обладателю правовой возможности в отношении получения, обладания и защиты материальных и нематериальных благ, включая возможность обращения в установленном порядке к уполномоченным государственным органам для защиты. Законный интерес как самостоятельный объект правовой охраны позволяет его обладателю обращаться за его защитой независимо от того обстоятельства, может ли его обладатель требовать от других лиц какого-либо определенного поведения, что является характерной чертой субъективного права и коррелирующей ему юридической обязанности, хотя несомненно, что законные интересы по мере их выявления и развития правового регулирования могут служить основой для законодательного закрепления определенных субъективных прав [5, С. 17] или их последовательной корректировки.

Так, обладатель исключительных прав на произведение в некоторых случаях оказывается лишен возможности привлекать к ответственности лиц, действия которых привели к нарушению его прав, например, граждан или некоммерческие организации, которые осуществляли использование произведений, но при этом не знали о нарушении прав на такие произведения. Рассмотрение данной ситуации с точки зрения субъективного права и связанной с ним юридической обязанности приводит к тому, что такие лица не несут ответственности за незаконное ис-

пользование произведений, нарушение прав на них. В частности, абзац первый пункта 3 статьи 1250 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает, что меры ответственности за нарушение интеллектуальных прав подлежат применению только при наличии вины нарушителя, если ГК РФ не предусматривается иное.

В то же время анализ данной ситуации с учетом законного интереса правообладателей в получении соразмерного вознаграждения за использование произведений позволяет прийти к выводу о том, что даже в случае невиновного, но тем не менее незаконного использования правообладатель должен иметь возможность получить такое вознаграждение, в том числе в форме выплаты компенсации, соразмерной обычно получаемому в аналогичных случаях вознаграждению. Таким образом, подход, основанный на признании необходимости удовлетворения законных имущественных интересов правообладателей, позволяет исключить случаи, в которых правообладатели оказываются лишены возможности возместить причиненный им имущественный вред за счет лиц, действия которых привели к нарушению принадлежащих им прав, в том числе при отсутствии вины таких лиц в совершенном нарушении.

Понятие «законный интерес» может использоваться в качестве системообразующего при рассмотрении вопросов возмещения вреда, причиняемого авторам и иным правообладателям при нарушениях принадлежащих им исключительных и иных имущественных прав.

С учетом особенностей отраслевой принадлежности положений об охране авторских и смежных прав законные имущественные интересы авторов и иных правообладателей, которые призвано гарантировать гражданское право, могут быть охарактеризованы как совокупность возможностей распоряжения правами на произведения и объекты смежных прав, получения вознаграждения за их использование, возмещения вреда, причиняемого нарушениями исключительных и иных имущественных прав, а также реализации права на получение дополнительного, компенсационного и иного вознаграждения в случаях, предусмотренных законом. Указанные возможности могут реализовываться как собственными действиями заинтересованного лица, в том числе в результате вступления в договорные отношения, использования технических средств защиты, получения вознаграж-

дения от организаций, управляющих имущественными авторскими и смежными правами на коллективной основе, так и путем обращения за защитой своих законных интересов в судебном, административном и ином установленном законодательством порядке.

При этом нельзя согласиться с тем, что в законных интересах отражаются менее значимые и существенные потребности, а также с каким-либо противопоставлением законных интересов, с одной стороны, и субъективных прав, с другой. Субъективные права и законные интересы связаны друг с другом, имеют единую направленность, позволяют заинтересованным лицам удовлетворять и отстаивать их собственные интересы, в том числе связанные с обладанием определенными материальными и нематериальными благами и их защитой.

Законный интерес находит свою реализацию через участие его обладателя в общественных отношениях, регулируемых правом, которое, в свою очередь, закрепляет определенные субъективные права и юридические обязанности сторон таких отношений. Как отмечал, в частности, Н.С. Малеин: «наделение правом означает обеспеченную государством возможность удовлетворения интересов... В этом смысле интерес выступает объектом правовой охраны» [2, С. 43]. С.Н. Братусь, считая интерес внешним по отношению к субъективному праву, не входящим в его состав фактором, также признавал, что по отношению к субъективному праву интерес является его целью и предпосылкой [8, С. 108; 4, С. 73].

Понятие «законный интерес», как представляется, несет особую смысловую и регулятивную нагрузку, позволяя осуществлять защиту интересов правообладателей с возможностью наиболее гибкого толкования правовых норм, закрепляющих связанные с такими интересами субъективные права и юридическую ответственность, и способствуя выработке новых подходов к решению задач защиты авторских и смежных прав.

Так, существует необходимость изменения концептуального подхода к определению правовой природы компенсации за нарушение исключительного права при незаконном использовании произведений и объектов смежных прав. Указанная компенсация должна рассматриваться не только в качестве меры ответственности, что исключает ее применение при отсутствии

вины нарушителя, кроме случаев осуществления им предпринимательской деятельности (п. 3 ст. 1250 ГК РФ), но также в качестве особого способа защиты имущественных интересов, в частности, возмещения имущественного вреда, причиненного правообладателю и подлежащего возмещению независимо от вины нарушителя.

В связи с этим в зависимости от целевой направленности возможно выделить основную компенсацию, представляющую собой возмещение вреда, соразмерное обычно получаемому вознаграждению за использование объекта авторского или смежного права при отсутствии доказательств причинения нарушением вреда в большем размере, и дополнительную компенсацию, взыскиваемую с нарушителей в качестве меры ответственности только при наличии вины для решения задач общей и частной превенции.

Определение размера основной компенсации, взыскиваемой с нарушителя в целях возмещения вреда (предполагаемых убытков), должно осуществляться без учета наличия умысла на совершение правонарушения или вины нарушителя в какой-либо иной форме. Отсутствие вины нарушителя не должно освобождать его от выплаты такой компенсации или служить основанием для снижения ее размера, поскольку основная компенсация должна служить исключительно целям возмещения вреда, причиняемого правообладателям вследствие нарушения.

Размер такой компенсации может определяться по выбору правообладателя в соответствии с положениями статьи 15 ГК РФ (в зависимости от причиненных убытков, полученного нарушителем дохода и т.д.) либо с учетом дополнительных факторов. К числу таких факторов могут быть отнесены, в частности, сведения о доходах, получаемых другими правообладателями при отсутствии нарушений исключительных прав в сопоставимых случаях, оценка рыночной стоимости прав на соответствующее использование произведений и объектов смежных прав, сведения о затратах, понесенных правообладателем на создание произведения или объекта смежных прав либо приобретение исключительных прав на их использование, и другие обстоятельства, учитываемые в силу указания закона или по усмотрению суда.

При взыскании дополнительной компенсации должны учитываться степень вины нарушителя и размер убытков, которые могли быть причинены в результате нарушения исключи-

тельного права на момент истребования компенсации или могут возникнуть, или быть выявлены в дальнейшем вследствие допущенного нарушения исключительного права, а также неоднократное совершение ранее нарушений исключительных прав, принадлежащих данному правообладателю или иным лицам, при наличии вины нарушителя в их совершении.

Суд должен иметь возможность с учетом обстоятельств конкретного дела снижать размер взыскиваемой дополнительной компенсации по своему усмотрению на основе принципов разумности и справедливости для исключения случаев присуждения компенсаций, очевидным образом не соразмерных последствиям нарушений, и иных случаев применения законодательных положений вопреки их назначению и с причинением несоразмерных убытков одной из сторон гражданско-правовых отношений.

Именно рассмотрение права на получение компенсации за нарушение исключительных прав в качестве средства удовлетворения законных интересов правообладателя позволяет обосновать необходимость широкого судебного усмотрения при определении размера такой компенсации с учетом обстоятельств каждого конкретного случая.

Законный интерес, как и субъективное право, должен обеспечиваться возможностью защиты со стороны государства при условии правомерности и обоснованности таких интересов и выдвигаемых на их основе требований, что, в свою очередь, позволяет использовать анализ наличия законного интереса и его содержания как основу для выявления, предотвращения и пресечения случаев злоупотребления правами со стороны отдельных недобросовестных лиц, в том числе при истребовании несоразмерных компенсаций за нарушения исключительных прав.

Наряду с необходимостью обеспечения эффективного воздействия на нарушителей путем взыскания с них компенсаций за нарушения исключительных прав существует также настоятельная необходимость обеспечить получение правообладателями вознаграждения в тех случаях, когда его выплата предусматривается непосредственно положениями ГК РФ. Для реализации права на вознаграждение, установленного законом (ст. 1245, п. 3 ст. 1263, ст. 1293, п. 2 ст. 1295 или ст. 1326 ГК РФ), необходима разработка специального порядка защиты прав, ос-

нованного на общих положениях гражданского законодательства.

В указанных случаях речь идет о взыскании вознаграждения в размере, определяемом в установленном законом порядке, между сторонами отсутствуют договорные отношения, а сама по себе невыплата приводит к причинению автору или иному правообладателю убытков в объеме неполученного им вознаграждения, не влияя при этом на условия использования произведений или объектов смежных прав и на доходы, получаемые от такого использования. Задержка выплаты вознаграждения при этом может компенсироваться за счет взыскания специальной неустойки (пени), которая может быть предусмотрена законодательством по аналогии с установленной ст. 395 ГК РФ возможностью истребования процентов на сумму долга в случае неправомерного удержания денежных средств.

Важнейшее значение для использования произведений и объектов смежных прав на современном этапе приобрела деятельность «информационных посредников», обеспечивающих функционирование информационных ресурсов в сети Интернет и осуществление обмена данными между ее пользователями. Информационные посредники обладают возможностями наиболее оперативного воздействия на нарушителей. При этом необходимо разграничивать случаи осуществления деятельности, предусмотренной положениями ст. 1253.1 ГК РФ, для которых устанавливаются ограничения ответственности информационных посредников, от случаев опосредованного (косвенного) использования объектов авторских и смежных прав, осуществ-

ляемого, в частности, социальными сетями и иными информационными ресурсами в сети Интернет, получающими доходы от размещения пользователями материалов на таких информационных ресурсах, в том числе включающих объекты авторских и смежных прав.

Такие лица в целях защиты имущественных интересов правообладателей могут привлекаться к солидарной ответственности за нарушения исключительных, в том числе при отсутствии вины на началах предпринимательского риска в соответствии с положениями п. 3 ст. 1250 ГК РФ, либо суду должна быть предоставлена возможность возложения на них специальной ответственности в форме частичной компенсации причиненных правообладателю убытков в размере, определяемом с учетом, в частности, таких факторов, как добросовестность поведения, принятие мер для пресечения и предотвращения нарушений, доход, получаемый в результате осуществления деятельности, способствовавшей нарушению исключительных прав.

Изложенный выше комплексный подход позволит авторам и иным правообладателям в наиболее полной мере защищать их имущественные интересы в случае нарушений принадлежащих им исключительных и иных имущественных прав, возмещая причиняемые им имущественные потери за счет нарушителей, недобросовестных плательщиков и лиц, извлекающих доходы от осуществления деятельности, связанной с нарушениями авторских и смежных прав, в том числе в условиях развития новых информационно-телекоммуникационных технологий.

Библиографический список

1. *Бартов А.А.* Соотношение субъективных прав и законных интересов // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 3. С. 56–59.
2. *Ильина И.Ю.* О правовой категории охраняемого законом интереса в контексте конфликта интересов участников гражданских правоотношений // Государственная служба и кадры. 2018. № 3. С. 42–46.
3. *Кляус Н.В.* Понятие охраняемого законом интереса как предмета судебной защиты в гражданском судопроизводстве // Вестник Омского университета. 2002. № 2. С. 92–95.
4. *Козлов М.А.* Субъективное право и охраняемый законом интерес как предметы судебной защиты // Журнал российского права. 2008. № 3. С. 69–77.
5. *Малько А.В., Терехин В.А.* Субъективные права, свободы и законные интересы личности как самостоятельные объекты судебной защиты // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 4. С. 7–18.
6. *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. Москва. 2007. 800 с.
7. *Новоселова Л.А., Рожкова М.А.* Интеллектуальная собственность: некоторые аспекты правового регулирования: монография. Москва. 2014. 128 с.

8. Пономаренко И.Е. Структура правового интереса: теоретико-правовой аспект // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2017. Т.17. № 4. С. 107–112.
9. Солодовниченко Т.А. Законный интерес: проблемы понимания и соотношения с субъективным юридическим правом и юридической обязанностью // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 3.— С. 35–39.
10. Субочев В.В. Законные интересы // В изд.: Проблемы теории государства и права / Под ред. А.В. Малько.— М.: Юрлитинформ, 2012.— С. 362–380.
11. Ульянов А.В. О гражданско-правовой охране интересов субъекта правоожиданий // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 8 (81).— С. 87–98.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПАРЛАМЕНТА РФ С ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

© 2019 Кочиева Олеся Ахсаровна

Председатель Верховного Суда Республики Южная Осетия
100001, г. Цхинвал, ул. 13 Коммунаров, 29
E-mail: 71dz@mail.ru

© 2019 Караева Лора Хазбатровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса
Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова
362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44–46

В настоящей статье анализируются актуальные на данный момент вопросы и возможности взаимодействия между Федеральным Собранием Российской Федерации и органами государственной власти. Также предлагаются способы развития системы разграничения властей на высшем уровне, для чего в действующем законодательстве необходимо сформировать инновационные способы взаимодействия между Правительством Российской Федерации и Государственной Думой. Рассматривается роль увеличения ответственности законодательных органов власти за современную ситуацию в стране, а также важности максимально деятельного участия Государственной Думы в реализации контроля за работой органов Правительства РФ.

Ключевые слова: Федеральное Собрание Российской Федерации, ветви власти, Президент Российской Федерации, органы государственного управления, исполнительная власть, политическая система.

Во главе нашего государства стоит Президент Российской Федерации. Он — гарант Конституции РФ, а также прав и свобод человека и гражданина. В законодательно закрепленном порядке Президент обеспечивает охрану независимости государства, целостности его границ, способствует скоординированной деятельности и взаимодействию между органами государственного управления. Также Президент направляет ключевые векторы развития как внутренней, так и внешней политики страны.

Существует множество смежных аспектов в правах Президента РФ и компетенциях Федерального Собрания. Главным образом это касается законотворчества, включая повторное рассмотрение вопросов, которые Президент отклонил.

Конституция РФ устанавливает основания отношений между Федеральным Собранием РФ, его палатами и Правительством РФ. Данные взаимоотношения детально регламентирует Федеральный конституционный закон «О Правительстве РФ», регламенты Совета Федерации и Государственной Думы, а также иные нормативно-правовые акты. Существенный аспект подобных взаимоотношений состоит в том, что у Правительства РФ есть право законодатель-

ной инициативы через внесение проектов законов в Государственную Думу. Кроме того, у Правительства есть право на внесение поправок в законопроекты, рассматриваемые Государственной Думой. Но практика показывает, что Правительство РФ слабо проявляет инициативу в формировании законопроектов, которые отправляются на рассмотрение Государственной Думой. При этом ненадлежащим образом производится учет проектов, которые подготавливает Правительство РФ. Это происходит в связи с тем, что основная их масса рассматривается в качестве депутатских законопроектов.

Множество законопроектов в принципе превышает рамки возможности качественной деятельности Правительства. Следует отметить перегруженность повесток дня большого количества заседаний Государственной Думы. Зачастую повестка дня бывает представлена слабо разработанными вопросами, которые не только не подкреплены сопроводительной документацией, но и содержат множество грамматических ошибок.

Для того чтобы разрешить данную проблему, мы считаем, что следует закрепить требование Регламента Государственной Думы, в соответствии с которым правовые субъекты должны

получить право законодательной инициативы наряду с предлагаемым законопроектом о внесении поправок в федеральный бюджет. Кроме того, считаем необходимым закрепить требование, согласно которому в отношении подобных законов должно проводиться пакетное рассмотрение, после чего они будут вступать в силу. Это поможет обеспечить попадание законопроекта на рассмотрение Государственной Думой лишь после приведения его содержания в соответствие с возможностями федерального бюджета РФ.

В настоящее время приходится констатировать значительное ограничение независимой и сдерживающей роли Совета Федерации в отечественной системе разграничения властей. На это указывает и тот факт, что за последние 10 лет по инициативе президента условия создания Совета Федерации подвергались изменениям три раза. Разнообразные реформы привели к почти полной утрате Советом Федерации своих конституционных полномочий. В связи с этим обеспечение автономного и независимого статуса данного органа государственного управления, активизация его взаимодействия с другими институтами государственной власти дадут возможность упрочения отечественной конструкции разграничения власти, чтобы она соответствовала республиканскому, демократическому устройству государства [1].

Тот факт, что отношения между ветвями власти по нынешней Конституции РФ, не соответствуют традиционной схеме Монтеスキе, говорит об их российской национальной особенности. РФ — федеративное государство, и институту президента здесь отводится основополагающая роль, которая проистекает из федеративной сущности российской государственности. На сегодняшний день есть основания полагать, что по мере того как образуются мощные парламентские партии, между которыми активизируются конкурентные взаимоотношения, отношения между Правительством и Государственной Думой могут стать кризисными. В связи с этим исключительно верхний уровень разграничения власти Президент — Совет Федерации — Конституционный Суд обеспечит в данной ситуации стабильное функционирование властных органов. Для этого необходимо совершенствовать конституционно-правовые взаимоотношения президента, в первую очередь с Советом Федерации и Конституционным Судом. Следует

не вслепую перенимать зарубежную практику парламентаризма, а привести ее в соответствие с существующей отечественной структурой разграничения властей и как можно более строго закрепить роль Президента РФ в действующей схеме отечественной государственности. Необходимо, чтобы сущность провозглашенного Конституцией принципа разграничения властей отвечала требованиям современности, на которые влияют не предвыборные планы партий и уж тем более не окончание срока нынешнего Президента, а потребность в упрочении российского государства, что позволит ему выйти на качественно новый уровень развития. Для того чтобы усовершенствовать систему разграничения власти на верхнем уровне, необходимо также максимально четко зафиксировать законодательно и активизировать современные механизмы взаимодействия между Правительством и Государственной Думой. Также должна увеличиваться ответственность законодательных органов власти за политическую и экономическую в РФ, для чего требуется обеспечить максимально активное участие Государственной Думы в реализации контроля за работой органов правительства. Подобный контроль в нашей стране осуществляется сейчас не в полную силу, и этому способствует недостаточно развитая правовая основа. Мало того, в нынешней Конституции РФ отсутствуют даже нормы, регламентирующие парламентский контроль, что осложняет последующую законодательную регламентацию контрольных функций депутатского корпуса. Отчасти данную проблему регламентирует ФЗ «О парламентском расследовании Федерального Собрания РФ». Также на время, пока проводится парламентское расследование, палате Федерального Собрания можно предоставить право на создание такой должности, как специальный следователь, с целью расследовать фактов покушения государственных деятелей на основы конституционного устройства нашего государства.

Оптимизация требуется и конституционному механизму вынесения недоверия Правительству РФ Государственной Думой. Следовало подкрепить этот механизм необходимой базой (к примеру, по причине отрицательной оценки деятельности Правительства, несогласия депутатского корпуса с ключевыми направлениями политики, реализуемой Правительством) и уменьшить период в 3 месяца, на протяжении

которого у Государственной Думы имеется право на выражение повторного недоверия Правительству РФ. Указанный срок может стать сроком противостояния между законодательной и исполнительной властью, и на протяжении этого времени возможно усугубление правительственного кризиса в связи с тем, что Государственная Дума может блокировать законодательные инициативы, выдвигаемые органами исполнительной власти, а также по причине ответного прессинга на депутатский корпус со стороны исполнительных органов власти. На данный момент для этого существует множество предпосылок. Во всяком случае, до тех пор, пока Правительство РФ является не абсолютно независимым конституционным органом, ответственным за деятельность целостной структуры исполнительной власти, а всего лишь частью института президентской власти, исполнителем волеизъявления президента. В связи с тем, что подобная организация исполнительных органов власти не совсем соответствует закрепленному Конституцией принципу разграничения власти по причине замыкания Правительства лишь на Президента и ограничения Государственной Думы, многое будет находиться в зависимости не только от личности самого президента, его компетентности в финансовых и экономических вопросах, но и от лиц, составляющих кабинет министров [2].

Следует обеспечить большее взаимодей-

ствие между Правительством и Государственной Думой, причем важно, чтобы при его реализации отсутствовали чрезмерное давление и вторжение главы государства. Вторжение президента в подобные взаимоотношения можно назвать целесообразным лишь в условиях кризиса, затрагивающего не только правительство, но и парламент, если указанные взаимоотношения становятся тупиковыми. Необходимо отметить, что Президент располагает правовыми инструментами регламентации такого кризиса. Возможности же упрочения ежедневных отношений между Правительством и Государственной Думой находятся в первую очередь в законодательном секторе, где названные два института должны превратиться в главных партнеров уже на этапе законотворчества.

Более эффективному закреплению контрольных полномочий Федерального Собрания за деятельностью исполнительной власти могло бы способствовать принятие отдельного федерального закона, в котором регулировалась бы деятельность Государственной Думы и Совета Федерации. Такой закон мог бы регулировать также статус Федерального Собрания Российской Федерации, его компетенцию и вопросы ведения, структуру, организационные формы и условия его деятельности, вопросы взаимоотношений между палатами Федерального Собрания, а также различные аспекты взаимодействия с другими органами государственной власти.

Библиографический список

1. *Баев А.* Российский парламент // *Обозреватель*. 2009. № 4. С. 15–22.
2. *Усанов В.Е.* Разделение властей как основа конституционного строя и его роль в формировании парламентаризма в современной России // *Государство и право*. 2015. № 12. С. 13–22.

ДОГОВОР ДОЛЕВОГО УЧАСТИЯ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ДОГОВОР КУПИ-ПРОДАЖИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

© 2019 Малис Жанна Вячеславовна

аспирант

Российская Государственная Академия Интеллектуальной Собственности

117279, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 55а

E-mail: 2318039@bk.ru

В статье проводится сравнительный анализ договора долевого участия и предварительного договора купли-продажи недвижимости, в том числе, которая будет создана в будущем. Необходимость сравнительного анализа данных видов договоров вызвано тем, что в настоящий момент на практике возникает множество ситуаций, когда за договором, названным предварительным договором купли-продажи недвижимости, по факту стоит договор долевого участия в строительстве.

Критериями анализа являются такие основания как: правовое регулирование, тип порождаемых правоотношений, стороны договора, существенные условия и другие.

Ключевые слова: договор долевого участия в строительстве, предварительный договор купли-продажи недвижимости.

Сегодня активно развивается строительство жилья. При этом потребительский спрос покупки в новостройках остается достаточно высоким. Это вызвано тем, что покупка квартиры на стадии строительства обходится дешевле, чем покупка в уже введенном в эксплуатацию многоквартирном доме.

В настоящий момент покупка жилья на стадии строительства осуществляется посредством заключения договора долевого участия в строительстве, урегулированного Федеральным законом «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 30.12.2004 N214-ФЗ [1] (далее Федеральный закон № 214-ФЗ), который предусматривает определенные гарантии участнику долевого строительства и охрану его законных интересов.

В свою очередь, часто на практике встречаются случаи, когда застройщики заключают предварительный договор купли-продажи недвижимости со стопроцентной предоплатой, тем самым пытаясь обойти нормы закона о долевом участии, при этом получив полное исполнение со стороны приобретателя и обеспечив себе капитал для строительства.

Однако само название заключаемого договора не влияет на складывающиеся между сторонами отношения. При рассмотрении дел по спорам, возникающим из правоотношений, основанных

на сделках, связанных с передачей гражданами денежных средств и (или) иного имущества в целях строительства многоквартирного дома (иного объекта недвижимости) и последующей передачей жилого помещения в таком многоквартирном доме (ином объекте недвижимости) в собственность, но совершенных в нарушение требований Федерального закона «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости», независимо от наименования заключенного сторонами договора следует исходить из существа сделки и фактически сложившихся отношений сторон [2].

Именно поэтому актуальным является вопрос об отграничении договора долевого участия в строительстве и предварительного договора купли-продажи недвижимости, определение особенности правовой природы каждого из названных договоров.

В первую очередь, для проведения сравнительного анализа, необходимо определить законодательное регулирование каждого из них, а также дать оценку порождаемых ими правоотношений.

Как уже упоминалась ранее, договор долевого участия подлежит регулированию Федеральным законом № 214-ФЗ. Согласно ч.1. ст. 4 данного закона по договору участия в долевом строительстве (далее также — договор) одна сторона (застройщик) обязуется в предусмотренный договором срок своими силами и (или) с привлечением других лиц построить (создать)

многоквартирный дом и (или) иной объект недвижимости и после получения разрешения на ввод в эксплуатацию этих объектов передать соответствующий объект долевого строительства участнику долевого строительства, а другая сторона (участник долевого строительства) обязуется уплатить обусловленную договором цену и принять объект долевого строительства при наличии разрешения на ввод в эксплуатацию многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости.

Предварительный договор купли-продажи недвижимости не имеет специализированной законодательной регламентации и регулируется общими нормами о предварительном договоре, содержащимися в Гражданском кодексе Российской Федерации [3]. Согласно п. 1 статьи 429 ГК РФ предварительный договор — это договор, по которому стороны обязуются заключить в будущем договор о передаче имущества, выполнении работ или оказании услуг.

Таким образом, характер правоотношений, порождаемых договором долевого участия в строительстве, бесспорно является имущественным, что нельзя сказать о правоотношениях, вытекающих из предварительного договора.

По мнению, Красавчикова О.А., и право, и обязанность в рассматриваемом случае не направлены непосредственно на перемещение материальных благ, не имеют имущественного содержания. Анализируемый вид правоотношений правильнее отнести к числу неимущественных (организационных) [4, с. 54]. Таким образом, в отношении предварительного договора стоит говорить скорее о его организационном характере, что подразумевает, что цель договора — не установление имущественных обязательств, а организация договорных связей между сторонами, обеспечение заключения договора в будущем.

Организационный характер данных правоотношений подтверждается и п. 6 ст. 429 ГК РФ, которая гласит, что обязательства, предусмотренные предварительным договором, прекращаются, если до окончания срока, в который стороны должны заключить основной договор, он не будет заключен либо одна из сторон не направит другой стороне предложение заключить этот договор.

Таким образом, договор долевого участия в строительстве и предварительный договор купли-продажи в первую очередь отличаются

порождаемыми ими правоотношениями: при заключении договора долевого участия в строительстве между сторонами уже существуют обязательства по приему-передаче объекта, его оплате и т.д., при этом, заключая предварительный договор, между сторонами возникают лишь обязательства по заключению основного договора на данных условиях, что ещё не является свидетельством, что основное обязательство вообще возникнет (например, стороны так и не заключают основной договор купли-продажи).

Несмотря на очевидную разницу в порождаемых отношениях, очень часто на практике происходит неопределенность по поводу квалификации того или иного договора. В первую очередь, это связано с тем, что и договор долевого участия в строительстве, и предварительный договор купли-продажи может быть заключен в отношении объекта, который будет создан в будущем.

Так, согласно п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №49 отсутствие на момент заключения предварительного или основного договора возможности передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, являющихся предметом будущего договора, не может служить препятствием к заключению предварительного договора. Например, не требуется, чтобы товар, являющийся предметом будущего договора, имелся в наличии у продавца в момент заключения предварительного или основного договора; договор также может быть заключен в отношении товара, который будет создан или приобретен продавцом в будущем [5].

При этом стоит отметить, что договор долевого участия может быть заключен исключительно в отношении объекта, который будет создан в будущем, а точнее — до введения объекта строительства в эксплуатацию, тогда как предварительный договор купли-продажи может быть заключен и в отношении готового объекта недвижимости. Это является вторым ключевым отличием данных видов договоров.

Стоит уделить внимание и анализу форм данных договоров. Так, согласно ч.3 ст. 4 Федерального закона № 214-ФЗ договор заключается в письменной форме, подлежит государственной регистрации и считается заключенным с момента такой регистрации. В свою очередь, предварительный договор купли-продажи недвижимости согласно п. 2 ст. 429 и ст. 550 ГК РФ заключается в письменной форме путем состав-

ления одного документа, подписанного сторонами.

Как отмечает Ибрашов Р.Т., законодательное требование о государственной регистрации договора долевого участия в строительстве исключает возможность появления нескольких претендентов на один объект недвижимости после сдачи его в эксплуатацию [6, с. 78]. Однако, что нельзя сказать о предварительном договоре, заключение которого не гарантирует, что в будущем не возникнет спорных ситуаций относительно его законного приобретателя.

Следующим существенным отличием этих договоров является момент уплаты цены договора. Согласно ч. 3 ст. 5 Федерального закона 214-ФЗ уплата цены договора производится после государственной регистрации договора путем внесения платежей единовременно или в установленный договором период в безналичном порядке. При этом сам срок уплаты должен быть указан в договоре и оплата должна быть произведена до получения недвижимости.

В свою очередь, согласно упоминаемому выше Постановлению Пленума ВС РФ если сторонами заключен договор, поименованный ими как предварительный, в соответствии с которым они обязуются, например, заключить в будущем на предусмотренных им условиях основной договор о продаже имущества, которое будет создано или приобретено в дальнейшем, но при этом предварительный договор устанавливает обязанность приобретателя имущества до заключения основного договора уплатить цену имущества или существенную ее часть, такой договор следует квалифицировать как договор купли-продажи с условием о предварительной оплате. Правила статьи 429 ГК РФ к такому договору не применяются.

Таким образом, можно сделать вывод, что невозможно заключить предварительный договор о купле-продаже будущей вещи с обязанностью приобретателя имущества уплатить деньги продавцу до заключения основного договора, тогда как договор долевого участия изначально направлен на внесение денег для строительства на них объекта недвижимости.

Дальнейшему нашему анализу подлежат существенные условия исследуемых нами договоров. Относительно договора долевого участия Федеральный закон предусматривает следующий перечень его существенных условий:

- 1) определение подлежащего передаче конкрет-

- ного объекта долевого строительства; 2) срок передачи объекта долевого строительства; 3) цена договора, порядок и сроки ее уплаты; 4) гарантийный срок на объект долевого строительства; способы обеспечения исполнения застройщиком обязательств по договору. При отсутствии в договоре данных условий, он считается незаключенным.

Предварительный договор, в свою очередь, согласно п.3 ст. 429 ГК РФ считается заключенным при наличии в нем следующих условий:

- 1) условие о предмете; 2) условия основного договора, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение в предварительном договоре.

При этом срок не является существенным условием предварительного договора купли-продажи недвижимости. По общему правилу, в случае отсутствия в предварительном договоре условий о сроке заключения основного договора, основной договор должен быть заключен в течение года с момента заключения предварительного договора.

Таким образом, договор долевого участия содержит более подробный перечень существенных условий, чем предварительный договор купли-продажи, что на наш взгляд является существенным преимуществом первого.

Заключительным критерием нашего сравнительного анализа будет являться субъективный состав данных договоров

По договору долевого участия застройщиком может быть только хозяйственное общество: 1) которое имеет опыт не менее 3 лет участия в строительстве (создании) многоквартирных домов общей площадью не менее 5000 кв. метров в совокупности, при наличии полученных в порядке установленном законодательством порядке разрешений на ввод в эксплуатацию домов; 2) которое имеет в собственности или на праве аренды, на праве субаренды или в предусмотренных законом случаях — на праве безвозмездного пользования земельный участок и привлекает денежные средства участников долевого строительства для строительства (создания) на этом земельном участке; 3) наименование которого содержит слова «специализированный застройщик».

При этом в случае с предварительным договором купли-продажи недвижимости законодательно не установлено конкретных требований к создателю, таким образом, продавцом в дан-

ном договоре может стать любое лицо, имеющее правомочие на продажу данного объекта недвижимости.

Существует различие и относительно приобретателей по данным договорам. Так согласно Федеральному закону № 214-ФЗ привлечение денежных средств граждан, связанное с возникающим у граждан правом собственности на жилые помещения в многоквартирных домах, которые на момент привлечения таких денежных средств граждан не введены в эксплуатацию в порядке, установленном законодательством о градостроительной деятельности допускается только на основании договора участия в долевом строительстве или жилищно-строительными кооперативами, которые осуществляют строительство на земельных участках, предоставленных им в безвозмездное срочное пользование в предусмотренных законом случаях.

Таким образом, невозможно заключить с гражданином предварительный договор купли-продажи не сданного в эксплуатацию жилого помещения, так как он будет квалифицироваться в любом случае как договор долевого участия в силу прямого указания на возможность привлечения денежных средств только по данному договору. На основании этого, мы можем сделать вывод, что предварительный договор купли-продажи будущей недвижимости возможно заключить только с индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами.

Как отмечает Евстратова Н.К. инвестор, не отвечающий требованиям для застройщика, предусмотренных ФЗ-214, имеет право заключать только предварительный договор купли-продажи недвижимости с юридическими лицами и не вправе привлекать денежные средства граждан для строительства [7, с. 95].

Однако, как мы отмечали выше, само название договора не будет влиять на его юридическую природу, и заключение хозяйственным обществом, не отвечающим требованиям застройщика, с гражданином договора, имеющего природу договора долевого участия в строительстве, будет лишь основанием для привлечения его к административной ответственности по 14.28 Кодекса об административных нарушениях и не будет основанием для квалификации его в качестве предварительного договора купли-продажи недвижимости.

На основании проведенного анализа мы можем сделать следующие выводы:

1. Договор долевого участия в строитель-

стве порождает имущественные правоотношения, тогда как предварительный договор купли-продажи недвижимости имеет своей целью возникновение лишь организационных правоотношений.

2. Договор долевого участия в строительстве может быть заключен только в отношении не введенного в эксплуатацию объекта недвижимости. В свою очередь, предварительный договор купли-продажи недвижимости возможен как в отношении будущей вещи, так и настоящей.

3. Договор долевого участия в строительстве и предварительный договор купли-продажи недвижимости заключаются в письменном виде, однако для договора долевого участия необходимо государственная регистрация, что является отдельной гарантией для приобретателя.

4. Невозможно заключить предварительный договор купли-продажи недвижимости с условием об уплате денежных средств до заключения основного договора. В свою очередь, договор долевого участия порождает обязанность уплаты цены договора до введения дома в эксплуатацию.

5. Законодательство предусматривает более широкий перечень существенных условий договора долевого участия, чем предварительного договора купли-продажи.

6. Договор долевого участия в строительстве и предварительный договор купли-продажи недвижимости отличаются по субъектному составу: законодатель предусматривает конкретные требования к застройщику по договору долевого участия, однако по предварительному договору купли-продажи недвижимости законодатель устанавливает общие правила к продавцу. Кроме того, приобретателем по предварительному договору купли-продажи будущей недвижимости могут быть только индивидуальные предприниматели и юридические лица, так как привлечение денежных средств граждан на строительство возможно только по договору долевого участия в строительстве. При этом не каждый договор, названный предварительным договором купли-продажи недвижимости и заключенный с индивидуальным предпринимателем или юридическим лицом, будет являться таковым, так как в каждом конкретном случае надо определять фактические сложившиеся между сторонами отношения и, в случае наличия признаков договора долевого участия в строительстве, квалифицировать его в качестве последнего.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 40; СЗ РФ. 2010. № 25. Ст. 3070.
2. «Обзор практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.12.2013) (ред. от 04.03.2015) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
3. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
4. Красавчиков О.А. Гражданские организационно-правовые отношения [Текст] // Категории науки гражданского права. Избранные труды: В 2-х т. (серия «Классика российской цивилистики»). Т.1 — М., 2005.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора»// «Бюллетень Верховного Суда РФ», N2, февраль, 2019.
6. Ибрашов Р. Т. О некоторых возможных направлениях совершенствования законодательства об участии в долевом строительстве [Текст] // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы Междунар. науч. конф. (г. Пермь, март 2012 г.). — Пермь: Меркурий, 2012. — С. 78–81.
7. Евстратова Н.К. Практика применения договора долевого участия в строительстве и предварительного договора [Текст] // Имущественные правоотношения в Российской Федерации. — Москва, 2014. — С. 93–101.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ

© 2019 **Хасимова Лейсан Нафисовна**

кандидат юридических наук, доцент

Набережночелнинский институт Казанского федерального университета

423800, РТ, г. Набережные Челны, пр-т Суюмбике, д. 10

E-mail: hasimov_1@mail.ru

© 2019 **Ющенко Наталья Анатольевна**

кандидат юридических наук, доцент

Набережночелнинский институт Казанского федерального университета

423800, РТ, г. Набережные Челны, пр-т Суюмбике, д. 10

E-mail: yushchenko31@rambler.ru

Правовое регулирование отношений по поводу установления и оспаривания происхождения детей, требует дальнейшего исследования и совершенствования. Немаловажную роль играет и процессуальный аспект рассматриваемого вопроса.

На основе анализа действующего семейного законодательства РФ, базируясь на теоретических положениях, посвященных правовому регулированию установления происхождения детей, в статье исследуются процессуальные особенности рассмотрения дел об установлении происхождения детей и возникающие при этом проблемы.

Ключевые слова: происхождение ребенка, установление происхождения детей, судебный порядок установления происхождения детей.

Рождение человека — это событие, которое, кроме эмоционального содержания, имеет правовые последствия. Родители новорожденного приобретают особый правовой статус отца и матери по отношению к своему ребенку. При этом не имеет значения, какой характер носят сложившиеся между мужчиной и женщиной брачные отношения: законный или фактический.

На современном этапе развития общественных отношений, на фоне происходящих социальных изменений в обществе, либерализации семейных ценностей наблюдается кризис традиционной семьи. Все большее распространение приобретают различные формы фактических браков, растет число детей, рожденных вне брака. Это связано и с ослаблением социальной роли материнства и отцовства в сознании современных родителей.

Правовой статус ребенка формируется установлением его происхождения способами, определенными законом, что, в свою очередь, призвано порождать личные и имущественные права ребенка.

Дети во всем мире являются не только вну-тригосударственной, но и общечеловеческой ценностью. Это особая, социально-демографи-

ческая группа, имеющая свои собственные интересы, нуждающаяся в специальной заботе общества и государства [2]. Вопросы защиты жизни, здоровья, благополучия несовершеннолетних являются приоритетными на современном этапе развития России. Однако проблема защиты прав ребенка сегодня до конца не решена.

Основные права ребенка, такие как знать своих родителей, право на заботу со стороны своих родителей, закреплены в ст. 7 Конвенции ООН «О правах ребенка». Неоспоримым является тот факт, что полноценная реализация основных прав несовершеннолетних возможна только в полной семье, при участии обоих родителей. Именно в такой семье, с большей долей вероятности возможно создание благоприятных условий для становления и развития гармоничной личности ребенка.

Семья выступает в качестве основного звена в процессе социализации ребенка. Однако отечественный законодатель не формулирует понятие семьи, легальное определение отсутствует.

На современном этапе развития цивилизации все чаще наблюдается тенденция к умалению значения традиционной модели семьи, к искажению семейных ценностей. Это влечет за

собой увеличение числа разводов, замену зарегистрированных браков фактическими брачными отношениями. Как следствие, большое количество детей рождается вне брака.

Во многих государствах все большее распространение получают однополые браки. Вышеназванная тенденция влечет потребность в новых моделях взаимодействия родителей и детей.

Современное российское семейное законодательство в качестве основания возникновения многочисленных взаимных прав и обязанностей родителей и детей устанавливает юридическое оформление происхождения детей, удостоверяемое в соответствии с законом. Такое удостоверение, в свою очередь, является и гарантией защиты прав ребенка, детства и материнства.

Современное отечественное семейное законодательство определяет порядок установления происхождения ребенка от его родителей. Установление происхождения ребенка от конкретной матери обычно проблем не вызывает и осуществляется органом ЗАГС на основании документов, выданных медицинским учреждением, в котором родился ребенок. Если же ребенок родился за пределами медицинского учреждения, то материнство может быть установлено на основании медицинской документации, показаний свидетелей или при наличии иных доказательств. Семейное законодательство регулирует вопросы установления материнства при рождении ребенка при помощи вспомогательных репродуктивных технологий.

Порядок установления отцовства зависит от того, состоят ли родители ребенка в браке. Если родители ребенка состоят в браке, то происхождение ребенка от отца устанавливается в административном порядке в органах записи актов гражданского состояния. Если же родители ребенка состоят в фактических брачных правоотношениях, то отцовство устанавливается в судебном порядке.

Как ранее было отмечено, гражданским процессуальным законодательством предусмотрено два вида судопроизводства, в которых возможно установление происхождения ребенка от конкретного лица.

Во-первых, исковое производство. Исковое производство возбуждается на основании подачи искового заявления в суд. Установление отцовства происходит в порядке искового производства в том случае, если между сторонами существует спор.

Во-вторых, особое производство. Если спор между сторонами отсутствует, суд вправе рассмотреть дело в порядке особого судопроизводства. Как правило, в таком порядке устанавливаются юридически значимые факты, в частности, факт отцовства (родственные отношения), факт регистрации рождения и факт признания отцовства.

Разграничение этих категорий дел происходит в зависимости от того жив ли отец ребенка и от того когда ребенок родился: до или после смерти предполагаемого отца. Представляется, что, помимо указанных оснований, следует назвать еще одно — наличие либо отсутствие спора о праве. Последнее основание влияет на возможность рассмотрения дела в порядке особого судопроизводства [3].

ГПК РФ устанавливает, что в содержании заявления об установлении факта, имеющего юридическое значение обязательно должна указываться цель, с которой устанавливается данный факт.

Например, отцовство часто устанавливается для получения возможности вступить в наследство. Также, факт признания отцовства требуется для внесения изменений в книгу записи актов гражданского состояния, а в последующем и в свидетельстве о рождении ребенка и др.

Невозможность рассмотрения таких дел в административном порядке и отнесение их к подведомственности суда определяется несколькими факторами: во-первых, появлением на свет ребенка у лиц, чей брак не зарегистрирован; во-вторых, несогласием фактического отца признать отцовство в добровольном порядке; в-третьих, отказом органов опеки и попечительства дать согласие отцу ребенка на установление отцовства в административном порядке в случае смерти матери и других случаях, предусмотренных СК РФ; в-четвертых, заявлением матери об оспаривании отцовства; в-пятых, смертью фактического отца.

П. 3 ст. 29 ГПК РФ для дел об установлении отцовства предусматривает альтернативную подсудность, т.е. предоставляет истцу право выбора, в какой суд (по месту нахождения истца, или по месту нахождения ответчика) подавать документы. Подсудность для дел об установлении факта признания отцовства определяется местом жительства заявителей согласно ст. 266 ГПК РФ, то есть является исключительной.

За государственную регистрацию установ-

ления факта признания отцовства, как за совершение уполномоченными государственными органами юридически значимого действия, Налоговым кодексом РФ предусмотрена государственная пошлина, она имеет фиксированный размер, который составляет 300 рублей.

На стадии возбуждения дела важно определить круг лиц, обладающих правом обратиться в суд с требованием об установлении отцовства, факта признания отцовства.

Законодатель называет круг лиц, имеющих право предъявлять требования об установлении отцовства: один из родителей, несовершеннолетняя мать по достижению 14 лет, опекун (попечитель), фактический воспитатель несовершеннолетнего, сам ребенок по достижении совершеннолетия, прокурор, орган опеки и попечительства.

Мать ребенка, опекун (попечитель), фактический воспитатель, а также сам ребенок по достижении им совершеннолетия вправе выступать в качестве заявителей по делам об установлении факта признания отцовства.

Решение суда по заявлению о признании факта отцовства устанавливает факт, имеющий юридическое значение. На основании такого решения в книгу записи актов гражданского состояния вносятся сведения об отце ребенка, и выдается свидетельство о рождении.

Следовательно, можно сказать, что правовым последствием признания судом факта отцовства является установление юридической связи между умершим отцом ребенка и самим ребенком, порождающей правоотношения особого рода [1].

После возбуждения дела, судом решается вопрос о составе лиц, участвующих в деле. Стоит отметить, что родители, являются законными представителями несовершеннолетнего. Для представления интересов ребенка родителем не требуется наличие доверенности. К участию в деле могут быть привлечены органы опеки и попечительства, прокурор, представители образовательных учреждений. Лицу, обратившемуся в суд с заявлением, присваивается процессуальный статус истца или заявителя, противоположной стороне — статус ответчика.

На стадии подготовки к разбирательству определяются доказательства, которые необходимо предоставить в судебном разбирательстве по существу.

Судья, как правило, вызывает мать и пред-

полагаемого отца для опроса, по просьбе сторон могут быть истребованы доказательства, которые стороны не могут предоставить самостоятельно. В ходе подготовки дела к разбирательству судье необходимо определить и норму, подлежащую применению в каждом конкретном случае. От этого зависит круг обстоятельств, подлежащих выяснению в судебном разбирательстве.

В СК РФ не установлен срок исковой давности по делам данной категории, из чего можно сделать вывод о том, что факт признания отцовства может быть установлен судом в любое время после рождения ребенка.

СК РФ допускает установление происхождения детей, родившихся до 1 октября 1968 г. от лиц, не состоявших в браке между собой. При необходимости суд вправе установить факт признания отцовства в случае смерти лица, которое признавало себя отцом ребенка, если ребенок находился на иждивении этого лица к моменту его смерти либо ранее.

Сбор доказательств, как правило, производится на стадии подготовки дела к судебному разбирательству. Доказательства для установления отцовства в судебном порядке, предусмотренные ст. 49 СК РФ, существенно отличаются от тех, которые предусмотрены ст. 48 КоБС РСФСР. По смыслу ст. 48 КоБС они делятся на три группы: совместное проживание и ведение общего хозяйства; участие фактического отца ребенка в его воспитании либо содержании; признание ответчиком отцовства. Под совместным проживанием понимается проживание отца и матери ребенка в одном жилом помещении, совместное питание, взаимная забота друг о друге, приобретение имущества для совместного пользования и т.д. Ведение общего хозяйства подразумевает наличие общего семейного бюджета, средства которого расходуются на удовлетворение бытовых потребностей всех членов семьи (например, расходы на питание, одежду, благоустройство и т.д.).

Действующий СК РФ не рассматривает данные обстоятельства отдельно. Судом будут изучены все доказательства происхождения ребенка от конкретного отца. В качестве таковых могут исследоваться следующие доказательства: заключение генетической экспертизы, свидетельство о рождении ребенка; сожительство родителей ребенка без регистрации брака; квитанции о денежных переводах на содержание

ребенка; свидетельские показания и т.д.

Однако, как установлено п. 2 ст. 67 ГПК РФ, ни одно из доказательств не имеет для суда заранее установленной силы. С другой стороны, любые доказательства, бесспорно свидетельствующие о происхождении ребенка от конкретного лица, служат основанием для удовлетворения иска.

Определенные правовые проблемы возникают при установлении происхождения детей, рожденных с применением вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ). Так, если ребенок родился при помощи метода ВРТ, то в качестве родителей новорожденного будут зарегистрированы лица, состоящие в браке и давшие согласие на применение искусственного оплодотворения или имплантацию эмбриона.

В соответствии с позицией Верховного Суда Российской Федерации между ребенком, рожденным при использовании донорского материала и донором, не возникает родительских правоотношений. При оспаривании и (или) установлении материнства или отцовства, донор не вправе ссылаться на то, что он является биологическим родителем ребенка.

Однако подобное правовое регулирование представляется недостаточным, так как порождает определенные правовые пробелы. В частности, нет однозначного ответа на вопрос о том, может ли оспаривать отцовство муж, давший согласие жене на зачатие ребенка путем опло-

дотворения ее яйцеклетки донорским материалом, в том случае, когда такое согласие не имеет юридической силы в виду порока воли или по другим основаниям. Так, например, ст. 311–320 Гражданского Кодекса Франции предусматривают такую возможность [4].

Более того, многие государства выступают против развития методов ВРТ, рассматривая биологическое родство ребенка с родителями как единственное основание установления его происхождения. В законодательстве многих государств, членов ЕС, вообще не содержится правовых норм, регулирующих данные правоотношения [5].

Не смотря на неоднозначное отношение мирового сообщества к применению методов искусственной репродукции человека, наблюдается общемировая тенденция к изменению естественно-биологического статуса родителей на статус социальный [6]. Возникает так называемая новая концепция родства, где в центре угла рассматривается намерение человека стать родителем с применением методов вспомогательной репродукции. Данное намерение — один из важнейших аспектов для признания отцовство мужчины, не имеющего генетического родства с ребенком, а также для установления отцовства и материнства лиц, являющихся сторонами договора о суррогатном материнстве [7].

Библиографический список

1. Беспалов Ю.Ф. Разбирательство дел об установлении отцовства / Ю.Ф. Беспалов // Российская юстиция. — 2000. — № 6. — С. 27–29.
2. Худякова О.Ю. Установление происхождения детей по законодательству РФ и США: сравнительное исследование: автореф. дис. ... канд юрид. наук / О.Ю. Худякова; Рос. гос. соц. ун-т. — Москва, 2009. — 200 с.
3. Черных И.И. Особенности рассмотрения в суде дел об оспаривании отцовства (материнства) в правоотношениях суррогатного материнства / И.И. Черных // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2017. — № 9. // Электрон. дан. — СПС «Гарант».
4. Corral H.F. Filiation and assisted reproductive technology // Trabajo publicado en Revue Générale de Droit (U. de Ottawa). 2001. No 31. P. 701–729.
5. Cfr. Rubellin-Devichi J. Droit de la Famille. Dalloz. 1996. No 1325. P. 410.
6. Cfr. Cirillo F. La fecondazione artificiale eterologa de il rapporto di paternità nella filiazione legittima de in quella natural. In Rivista di Diritto Civile. 1998. Vol. 44. P. 665.
7. Todorova V. Recognition of parental responsibility: biological parenthood v. legal parenthood, i.e. mutual recognition of surrogacy agreements: What is the current situation in the MS? Need for EU action? Brussels, 2010. P. 10.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

**ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; НАЛОГОВОЕ ПРАВО;
БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО**

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ МЕТОДОВ И ТЕХНОЛОГИЙ В ТАМОЖЕННОЙ СФЕРЕ: ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ *

© 2019 Бакаева Ольга Юрьевна

доктор юридических наук, профессор
профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права
Саратовская государственная юридическая академия (СГЮА)
410056, г. Саратов, Вольская ул., д. 1
E-mail: finpravo@ssla.ru

© 2019 Устинова Анастасия Васильевна

кандидат юридических наук
старший преподаватель кафедры финансового, банковского и таможенного права
Саратовская государственная юридическая академия (СГЮА)
410056, г. Саратов, Вольская, д. 1
E-mail: finpravo@ssla.ru

В статье рассмотрены правовые вопросы применения цифровых методов и технологий в таможенной сфере, их значение в деятельности таможенных органов Российской Федерации и участников ВЭД.

Ключевые слова: цифровые методы в таможенной сфере; цифровые технологии в таможенной сфере; личный кабинет участника ВЭД; электронные таможи; удаленная уплата таможенных платежей; информационная безопасность.

Государственное регулирование внешнеторговой деятельности предполагает, в частности, необходимость создания аппарата, на который государством возлагаются функции по контролю и надзору за перемещением товаров через границу. Таможенные органы обеспечивают соблюдение правил, регулирующих таможенные отношения, при этом такие правила не должны быть слишком сложными, запутанными, неудобными; иначе они будут тормозить процесс развития внешней торговли. Упрощение таможенных формальностей предполагает максимальное использование информационных технологий, развитие которых происходит стремительными темпами. Таможенная служба применяет их в тех случаях, когда это экономически выгодно и эффективно не только для нее, но и для частных субъектов. Такое правило установлено в главе 7 Международной (Киотской) конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур [13]. Упрощение таможенного регулирования и снижение административных барьеров в этой области является и одним из направлений реализации Стратегии развития

отрасли информационных технологий в Российской Федерации [29].

Возрастающая нагрузка на таможенные органы во всем мире, обусловленная увеличением объемов внешнеэкономической деятельности, развитием интернет-торговли, расширением возможностей для трансграничных перевозок обуславливает повышение значимости совершенствования информационных технологий и систем для таможенного дела. Формирование позитивного имиджа российских таможенных органов осуществляется, в том числе посредством информационной деятельности; данное начало положено в основу устойчивого развития таможенной службы Российской Федерации [31]. В науке справедливо отмечается, что совершенствование информационных технологий в таможенной сфере направлено на повышение таможенными органами «клиентоориентированности», с одной стороны, и повышение добросовестности хозяйствующих субъектов — с другой [14].

Активное внедрение информационных технологий способствует повышению контроля над

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16102 «Трансформация правосубъектности участников налоговых, бюджетных и публичных банковских правоотношений в условиях развития цифровой экономики»

участниками внешнеэкономической деятельности (далее — ВЭД), а также значительному ускорению процесса таможенного оформления и контроля. Цифровые методы и технологии позволяют улучшить показатели эффективности деятельности таможенных органов Российской Федерации, создать систему комплексного учета и анализа участников ВЭД, а также уменьшить случаи злоупотребления полномочий при принятии решений должностными лицами таможенных органов. Кроме того, благодаря применению информационных технологий осуществляется информационно-аналитическое обеспечение правоохранительной деятельности в таможенной сфере. Данная сфера деятельности очень серьезна и охватывает большой объем информации, которую необходимо вовремя обработать и сохранить, что весьма затруднительно без информационных технологий [4].

Среди федеральных органов исполнительной власти Федеральная таможенная служба занимает лидирующую позицию в вопросах цифровизации своей деятельности. В целях содействия развитию внешнеэкономической деятельности, минимизации издержек участников ВЭД и государства, связанных с совершением таможенных операций, дальнейшему повышению качества таможенного администрирования проводится планомерная работа по развитию информационно-технического обеспечения таможенных органов. По своему составу таможенная информационная система подобна предприятию по переработке данных и производству итоговой информации. Каждое должностное лицо таможенных органов выполняет свои обязанности и передает их другому для непрерывного процесса «производства» [11]. По внедрению новых технологий таможенные органы занимают одно из первых мест в числе иных органов публичной власти. Идя навстречу добросовестным участникам ВЭД, разрабатываются оптимальные пути решения проблем, связанных с унификацией таможенных процедур и переходом работы таможни на уровень международных стандартов.

Применением в таможенной сфере информационных технологий государство озаботилось еще в 2005 году, когда в Концепции развития таможенных органов Российской Федерации [30] были обозначены такие приоритеты, как: повышение эффективности таможенного контроля и борьбы с таможенными правонарушениями на основе создания комплексной системы учета

участников ВЭД и анализа их деятельности; информационно-аналитическое обеспечение правоохранительной деятельности в таможенной сфере и внедрение комплексной системы управления рисками, развития системы электронного декларирования.

В настоящее время данному вопросу в Российской Федерации и в Евразийском экономическом союзе, участником которого является наше государство, уделяется первоочередное внимание.

Таможенное регулирование в ЕАЭС основывается на принципе максимального использования информационных технологий в деятельности таможенных органов. Данный принцип прямо установлен в п.3 ст.1 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза [40] (далее — ТК ЕАЭС) Это неотъемлемая составляющая в реализации современной таможенной политики.

Понятие информационных технологий не получило единообразного толкования в науке, однако в самом общем виде это совокупность способов, методов, средств, приемов сбора, получения, обобщения и обработки информации [2]. Для их функционирования необходимо правовое, организационное и материально-техническое обеспечение, то есть соответственно: правовые нормы, регулирующие порядок применения таких технологий; аппарат, использующий их; технические средства и возможности (например, программное обеспечение), позволяющие осуществлять необходимую деятельность. В настоящее время совершен переход от аналоговых к цифровым информационным системам, используемым практически повсеместно.

В таможенной сфере информатизация включает применение необходимых технических средств (например, технических средств таможенного контроля); информационных систем (например, ресурс «Личный кабинет участника ВЭД»); информационных технологий (например, удаленная уплата таможенных платежей). Одни из них — к примеру, инспекционно-досмотровые комплексы — используются достаточно давно, другие появились только в последние годы, третьи только начинают создаваться.

В международных основах таможенного регулирования также указывается значимость информатизации. На основании Стандартных правил Генерального приложения к Междуна-

родной конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур закреплена возможность представлять таможенным органам декларацию на товары в электронном виде посредством электронных способов обмена (стандарт 7.4).

Особую роль информационных технологий в таможенном деле подчеркивает тот факт, что в ТК ЕАЭС включен отдельный раздел, посвященный информационным системам и технологиям. Под информационными ресурсами таможенных органов понимается упорядоченная совокупность документированной информации (базы данных, другие массивы информации), содержащейся в информационных системах таможенных органов. Положения о возможности применения информационных технологий в таможенной сфере содержатся во многих нормах кодекса: о доведении таможенными органами информации до общего сведения (ст.3); о предварительном информировании (ст.11); о представлении документов и сведений для совершения таможенных операций (ст.80); о совершении таможенными органами отдельных таможенных операций (ст.ст.82, 92, 118, 125); о помещении товаров под таможенную процедуру таможенного транзита (ст.ст.147, 150, 151); о таможенном контроле (ст.ст. 310, 318, 324, 333, 344) и пр.

Введенный в законную силу 1 января 2018 года кодекс, по сути, легализовал цифровые технологии (кодекс оперирует более широким понятием — информационные технологии), которые в настоящее время в Российской Федерации уже применяются на практике: предварительное информирование, электронное декларирование, автоматический выпуск товаров. Такая легализация необходима в первую очередь для эффективного взаимодействия с другими государственными, в том числе налоговыми, правоохранительными органами.

Применение в таможенной сфере современных цифровых методов и технологий предопределено не только целесообразностью упрощения таможенных формальностей, но и необходимостью тесного взаимодействия государств-членов ЕАЭС. Без надлежащей координации их деятельности невозможно добиться целей, ради которых таможенные органы и были созданы. Безусловно, такое взаимодействие в настоящее время требует максимальной оперативности, что означает замену бумажного до-

кументооборота электронным. В данной связи в 2014–2015 годах Евразийской экономической комиссией были приняты основные документы, определяющие правила электронного обмена данными, подходы к использованию при межгосударственном информационном взаимодействии сервисов и имеющих юридическую силу электронных документов, порядок ведения и применения реестра структур электронных документов и сведений, методику анализа, оптимизации, гармонизации и описания общих процессов, правила создания и ведения единой системы нормативно-справочной информации Союза.

С 2014 г. ведется реестр структур электронных документов и сведений, используемых при реализации информационного взаимодействия в интегрированной системе (<https://rseds.eurasiancommission.org/>). Создан реестр электронных ресурсов единой системы нормативно-справочной информации Союза (<https://nsi.eurasiancommission.org/>).

В дальнейшем была поставлена задача создания единой (в рамках ЕАЭС) системы, предназначенной для обеспечения межгосударственного обмена документами и сведениями, создания общих для государств-членов ЕАЭС информационных ресурсов, реализации общих процессов. Такая система, получившая название интегрированной, предполагает обеспечение поддержки по всем направлениям, включая таможенное регулирование, поскольку именно таможенные органы в силу трансграничного характера их деятельности и деятельности на основе унифицированных правовых норм должны взаимодействовать между собой.

В целях создания благоприятных условий для хозяйствующих субъектов государств-членов ЕАЭС, обеспечения эффективного регулирования внешней и взаимной торговли на единой таможенной территории ЕАЭС, осуществления таможенного, налогового, транспортного контроля и государственного контроля других видов с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, обеспечения реализации процессов экономической интеграции, организации эффективной работы органов государств — членов ЕАЭС в соответствии с Соглашением о создании, функционировании и развитии интегрированной информационной системы внешней и взаимной торговли Таможенного союза от 21 сентября 2010 г. и Концеп-

цией создания Интегрированной информационной системы внешней и взаимной торговли Таможенного союза, утвержденной Решением Межгосударственного совета Евразийского экономического сообщества от 19 ноября 2010 г., была организована работа по созданию интегрированной информационной системы внешней и взаимной торговли [37].

В нашей стране основные направления развития информационно-коммуникационных технологий в таможенных органах Российской Федерации определены на период до 2030 года [26]. Уже в настоящее время информационно-коммуникационные технологии, используемые в деятельности российских таможенных органов, способствуют развитию внешнеэкономической деятельности и дальнейшему повышению качества таможенного администрирования. Их применение обеспечивает автоматизацию процесса поступления доходов в федеральный бюджет, минимизирует издержки для участников ВЭД, связанные с совершением таможенных операций, обеспечивает соблюдение запретов и ограничений, а также защиту отечественных производителей и охрану объектов интеллектуальной собственности.

Информационные системы и информационные технологии используются таможенными органами в целях обеспечения выполнения возложенных на них задач, в том числе обмена информацией с федеральными органами исполнительной власти, оказания государственных услуг населению, участникам ВЭД по предоставлению информации в электронном виде (ст. 31 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [42] (далее — Закон о таможенном регулировании)).

Создание новых концепций в таможенном деле тесно связано с переходом от автономных информационных систем таможен к Единой автоматизированной информационной системе (далее — ЕАИС) таможенных органов [24].

ЕАИС — централизованная система управления процессами таможенной деятельности; она состоит из организационно упорядоченной совокупности документов или массивов документов и информационных технологий, в том числе с использованием средств вычислительной техники и связи, реализующих информационные процессы на всех уровнях системы таможенных

органов. Цель ее создания — автоматизация процессов совершения таможенных операций, а ее использование обеспечивает реализацию возложенных на Федеральную таможенную службу (далее — ФТС России) функций и полномочий в области таможенного дела. Система используется при таможенном контроле, таможенном декларировании и выпуске (отказе в выпуске) товаров, помещаемых под таможенную процедуру таможенного транзита, в электронной форме [23, 25]. Очевидно, что применение такой технологии позволяет упростить процесс подготовки и принятия решения о выпуске товара, сделать его более прозрачным для бизнеса.

В настоящее время определены основные направления применения в таможенной сфере информационных технологий:

- 1) электронное декларирование;
- 2) предварительное информирование;
- 3) автоматическая регистрация деклараций;
- 4) удаленный выпуск товаров;
- 5) удаленная уплата таможенных платежей;
- 6) предоставление государственных услуг (функций) в электронном виде;
- 7) и др.

Внедрение **электронного таможенного декларирования** в Российской Федерации шло поэтапно. Первым законодательным шагом в этой области можно считать принятие в 2002 г. Федерального закона «Об электронной цифровой подписи» [43]. С этого момента электронная подпись была приравнена к собственноручной, а значит, открылась возможность для передачи таможенных деклараций, подписанных электронным способом.

Очевидно, что специалистами механизм совершенствования технологии декларирования был поддержан, поскольку и для таможенных органов, и для участников ВЭД он стал основным критерием, обеспечивающим сокращение времени на прохождение таможенных формальностей, уменьшение издержек, а значит, и увеличение прибыли [5]. Создание электронного документооборота позволило усилить прозрачность действий таможенных органов, а также исключить один из важных коррупциогенных факторов — личный контакт должностного лица таможенного органа с декларантом. Тем самым был снижен риск влияния различных субъективных факторов на процесс таможенного деклари-

рования.

Первая в России электронная таможенная декларация была выпущена 25 ноября 2002 г. по технологии ЭД-1 (подключение по выделенному каналу связи). Поскольку в этом случае участнику ВЭД приходилось нести существенные финансовые затраты, то объемы поданных в электронной форме деклараций были незначительны. К 2008 г. на них приходилось не более 9% от общего количества деклараций [17].

Переход на систему электронного декларирования был обусловлен стабильным ростом объема внешнеэкономических операций, а значит, и потока документации через таможенные органы, одна из основных задач которых — обеспечение оперативного (в максимально сжатые сроки) оформления товаров. Достичь этого возможно посредством перехода на электронный документооборот.

В 2010 г. с образованием Таможенного союза появилась необходимость законодательного закрепления на наднациональном уровне технологии электронного декларирования, в связи с чем была разработана инструкция о порядке предоставления и использования таможенной декларации в виде электронного документа [35]. Параллельно с этим таможенными органами проводилась активная работа по разъяснению частным субъектами преимуществ электронного декларирования.

В последующие годы ФТС России проводился постоянный мониторинг практики электронного декларирования, а соответствующая информация регулярно публиковалась на ее официальном сайте в соответствии с Концепцией открытости федеральных органов исполнительной власти.

С 1 января 2014 г. в Российской Федерации было введено обязательное электронное декларирование товаров (п.4 ст.322 ранее действовавшего Закона о таможенном регулировании [41]).

Установленный в настоящее время в ТК ЕАЭС приоритет электронной формы представления документов, внедрение в практику работы таможенных органов технологий, базирующих на электронном взаимодействии с федеральными органами исполнительной власти, участниками ВЭД и иными заинтересованными лицами, ведет к пересмотру применяемых технологий, совершения таможенных операций и модернизации программных средств.

На основании п. 2 ст. 80 ТК ЕАЭС документы

и сведения, необходимые для совершения таможенных операций, могут не представляться таможенному органу при их совершении, если сведения о таких документах, и сведения из них, и иные сведения, необходимые таможенным органам для совершения таможенных операций, могут быть получены таможенными органами из информационных систем таможенных органов (организаций) государств-членов ЕАЭС в рамках информационного взаимодействия таможенных органов и государственных органов (организаций) государств-членов ЕАЭС.

Именно электронное декларирование дало старт применению современных информационных технологий, таких как предварительное информирование, автоматическая регистрация деклараций, а также технология удаленного выпуска товаров. Применяемые перспективные таможенные технологии позволили расширить уровень информационного взаимодействия между таможенными органами и участниками ВЭД, обеспечили автоматическую обработку сведений, содержащихся в представляемых документах, а также повысили оперативность принятых решений.

Одним из направлений перспективных векторов развития таможенных информационных технологий является **предварительное информирование**. Оно используется таможенными органами для ускорения совершения таможенных операций и оптимизации проведения таможенного контроля. Исходя из названия, можно понять, что таможенные органы получают от декларанта информацию о ввозимых товарах заранее, до момента пересечения ими границы, что позволяет провести отдельные проверочные мероприятия заблаговременно.

В 2006 году Федеральной таможенной службой были определены приоритеты создания системы предварительного информирования:

- 1) создание условий для транспарентности и предсказуемости действий таможенных органов;
- 2) минимизация времени выполнения таможенных формальностей в пунктах пропуска через Государственную границу РФ и местах оформления;
- 3) повышение оперативности управления таможенными органами и эффективности принятия решений должностными лицами таможенных органов посредством предварительного определения товаров, транспортных средств,

документов и лиц, подлежащих проверке, и степени такой проверки;

4) оптимизация деятельности таможенных органов, распределения людских и материальных ресурсов [8].

Уже в это время устанавливалась возможность использования для предварительного информирования Единой автоматизированной информационной системы таможенных органов.

В 2010 году был создан портал предварительного электронного представления сведений физическими лицами в таможенные органы [21]. Затем данная система стала постепенно внедряться для товаров с учетом способа их перемещения. Введение с июня 2012 г. обязательного предварительного информирования о товарах, ввозимых на таможенную территорию ЕАЭС автомобильным транспортом [36], позволило в среднем на 30 мин сократить время, необходимое для проведения государственного контроля в пунктах пропуска [12].

Общие правила представления предварительной информации определяются ст. 11 ТК ЕАЭС. Данный метод применяется в целях получения таможенными органами сведений о товарах, планируемых к перемещению через таможенную границу ЕАЭС, для оценки рисков и принятия предварительных решений о выборе объектов, форм таможенного контроля и мер, обеспечивающих проведение таможенного контроля, до прибытия товаров на таможенную территорию ЕАЭС. Компетенциями по принятию ряда решений в рамках предварительного информирования обладает Евразийская экономическая комиссия. В настоящее время ею подготовлен проект решения «Об использовании предварительной информации, представленной в виде электронного документа, о товарах, предполагаемых к ввозу на таможенную территорию Евразийского экономического союза» [16].

Возможность представления участниками ВЭД в электронной форме предварительной информации о товарах и транспортных средствах до пересечения ими таможенной границы Российской Федерации с использованием сети Интернет обеспечивает «Личный кабинет участника ВЭД» [28]. Технология предварительного информирования направлена на сокращение времени проведения таможенных формальностей в пунктах пропуска.

В настоящее время введено обязательное

предварительное информирование таможенных органов о товарах, ввозимых автомобильным, водным, воздушным и железнодорожным транспортом (98% предварительной информации подается до прибытия товаров и транспортных средств), это позволило таможенным органам заранее провести анализ данной информации с использованием системы управления рисками.

Поддача декларации в электронной форме сопряжена с ее **автоматической регистрацией**. Кроме того, пункт 6 ст. 310 ТК ЕАЭС устанавливает возможность осуществления таможенного контроля посредством информационной системы таможенных органов без участия должностных лиц таможенных органов. Такая технология по своей сути заключается в **удаленном (автоматическом) выпуске товаров**. Введение данной законодательной нормы вызвано потребностью участников ВЭД максимально сократить время на совершение таможенных операций и исключить возможность злоупотребления полномочиями должностных лиц таможенных органов при принятии решений, а также необходимостью повысить эффективность деятельности таможенных органов в условиях оптимизации штатной численности сотрудников. Результатом реализации указанной нормы является автоматическая регистрация таможенных документов и автоматический выпуск товаров в соответствии с заявленной таможенной процедурой [14]. Основное преимущество данной технологии заключается в сокращении временного периода при проверке документов, на основании которых заполнена таможенная декларация.

При проверке декларации информационная система в автоматическом режиме определяет соблюдение условий помещения товаров под заявленную таможенную процедуру, установленных запретов и ограничений, прав интеллектуальной собственности, классификационный код товара, страну происхождения товара, таможенную стоимость, правильность исчисления и своевременность уплаты таможенных платежей. Также для автоматического выпуска товаров информационная система проверяет таможенную декларацию на наличие возможных рисков с целью исключения вероятности нарушения таможенного законодательства. Технология автоматической регистрации применяется в отношении таможенных процедур экспорта, выпуска для внутреннего потребления и свободной та-

моженной зоны в отношении Калининграда. В целях создания единого информационного пространства для обеспечения взаимодействия всех участников обработки грузов в морских портах ФТС России разработан портал «Морской порт» [18].

В 2017 году среднее время автоматической регистрации деклараций на товары составило 3 мин, а их автоматического выпуска — 5 мин. В целом за период с 2014 по 2017 годы количество автоматически зарегистрированных деклараций увеличилось почти в 9 раз, а автоматически выпущенных — в 56 раз [17].

Введение обязательного электронного декларирования дало возможность перейти к технологии автоматического выпуска в отношении товаров, по которым в автоматическом режиме не выявлены риски. Осуществление автоматического выпуска товаров без участия должностных лиц таможни стало возможным благодаря разработанной в ФТС России технологии автоматического совершения таможенных операций по выпуску отдельных категорий товаров. Она предполагает тесное взаимодействие информационных систем, используемых таможенными органами и применяемых при совершении таможенных операций по выпуску товаров.

Внедрение электронного декларирования ускорило развитие процессов **удаленной уплаты таможенных платежей**. С 2001 г. в таможенных органах активно применяются способы уплаты таможенных платежей, основанные на применении специализированных микропроцессорных банковских карт (таможенных платежных карт). Заинтересованность участников ВЭД в использовании этого инструмента платежа, широкое применение в банковской сфере технологий интернет-платежей и мобильных устройств оплаты создали объективные предпосылки для дальнейшего расширения в таможенной сфере современных высокотехнологичных способов и средств платежа. Удаленная уплата таможенных платежей дает возможность плательщику осуществить уплату таможенных платежей, применяя электронный терминал, непосредственно со своего рабочего места. При этом необходимо указать в декларации на товары, поданной в электронном виде, специальный признак удаленной уплаты таможенных платежей. В результате внедрения данной технологии отсутствует необходимость представления декларантом в таможенный орган документов, подтвержда-

ющих уплату, исключается непосредственный контакт должностных лиц таможенных органов с участниками ВЭД, а списание таможенных платежей по декларациям на товары обеспечивается строго с чеков, указанных в соответствующей графе декларации на товары.

Уплата таможенных платежей через электронные или платежные терминалы, банкоматы предусмотрена ст. 28 Закона о таможенном регулировании, а технология и порядок такой уплаты определяется распоряжением ФТС России [32]. Для упрощения процесса уплаты таможенных платежей при поддержке ФТС России и Национальной ассоциации таможенных представителей применяются единая электронная система ООО «Таможенная карта» [39] и ООО «Мультисервисная платежная система» [38].

Применение технологии удаленной уплаты таможенных платежей ориентировано на упрощение процесса оплаты, а также сокращение временных и финансовых издержек при совершении таможенных операций.

Предоставление таможенными органами государственных услуг (функций) в электронном виде также предоставляет возможность частным субъектам использовать цифровые методы и технологии. В числе таких функций и реализация таможенными органами разрешительной функции, заключающейся во включении в реестры ФТС России лиц, осуществляющих деятельность в области таможенного дела, а также производства контроля за соблюдением условий их осуществления.

В настоящее время в системе таможенных органов действует автоматизированная подсистема «Личный кабинет участника ВЭД» [20]. ФТС России расширяет функциональные возможности сервиса «Лицевой счет», который является наиболее востребованным у плательщиков: в настоящее время 45 тысяч пользователей используют его возможности для оперативного контроля движения денежных средств. Участники ВЭД получают актуальные справочные сведения о задолженности по таможенным платежам и пеням, а также информационные сообщения с реквизитами документа начисления, требованиями об уплате и уведомлениями о взыскании таможенных платежей и пеней. В «Личном кабинете участника ВЭД» действуют более 30 информационных сервиса: «Электронное декларирование товаров», «Электронный архив», «Предварительное информирование», «Стати-

стическое декларирование», «Лицевой счет», «Валютный контроль», «Разрешительные документы», «Задолженности и штрафы физических лиц», «Запрос статуса задекларированного товара», «Таможенный транзит», «Предварительное информирование в морских портах», «Информирование о декларировании без соглашений», «Отчетность по СВХ», «Отчетность УЭО», «Отчетность владельца таможенного склада», «Отчетность владельца магазина беспошлинной торговли», «Таможенный перевозчик», «Правообладатели», «Личный кабинет банка», «Таможенный представитель», «Получение разрешений, администрирование (ОЭЗ, ПОЭЗ)», «Решение по классификации товаров», «Классификация товаров, перемещаемых в виде компонентов», «Таможенная проверка», «Административные правонарушения», «Калькулятор таможенных платежей», «Пассажирская декларация», «Электронное декларирование экспресс-грузов», «Отчетность импортеров табачных изделий», «Информирование о декларировании по соглашениям», «Помещение товаров на СВХ», «Категорирование» и «Оплата таможенных квитанций».

Например, цель сервиса «Личный кабинет банка» — оперативное информирование банков, включенных в реестр банков, иных кредитных организаций, обладающих правом выдачи банковских гарантий уплаты таможенных пошлин, налогов, о состоянии выданных ими банковских гарантий. Сервис позволяет банку, иной кредитной организации получать сведения об использовании им максимальных сумм всех одновременно действующих банковских гарантий, принятых таможенными органами для обеспечения уплаты таможенных пошлин, налогов.

Сервис «Таможенный представитель» оптимизирует электронное взаимодействие таможенных органов и таможенных представителей. Он содержит сведения о соблюдении организацией условий нахождения в реестре таможенных представителей, а также информацию о статусе рассмотрения ФТС России поданного в электронной форме заявления на предоставление соответствующей государственной услуги.

Ресурс интегрирует в себе возможности сервиса «Отчетность о деятельности таможенного представителя», а также обеспечивает переход в раздел Единого портала государственных и муниципальных услуг (функций), предназначенного для подачи участниками ВЭД в ФТС России

заявлений на осуществление государственной услуги по ведению реестра таможенных представителей. Таможенный представитель может просматривать сведения о наличии задолженности, штрафов по делам об административных правонарушениях, а также о предоставленном обеспечении [44].

Переход на массовое использование в таможенной сфере цифровых технологий предопределил начало в 2018 году работы по созданию единой сети **электронных таможен и центров электронного декларирования**, расширение практики автоматической регистрации деклараций на товары и их автоматического выпуска, совершенствование программных средств таможенных органов [45].

Комплексная программа развития Федеральной таможенной службы на 2018–2020 гг. подразумевает, что все оформление будет проводиться в электронных центрах. С учетом развития современных информационных технологий и ресурсов эта программа предполагает создание территориально распределенных таможенных постов — Центров электронного декларирования. Электронные таможни создаются для упрощения совершения таможенных операций, концентрации таможенного оформления в одном месте, тем самым снижая влияние человеческого фактора и коррупционных рисков.

Таким образом, все взаимодействие и документооборот между таможенными органами и участниками ВЭД будут переведены в электронный формат. Первая в Российской Федерации электронная таможня появилась в Нижнем Новгороде в октябре 2018 г. (Приволжская электронная таможня), поскольку данный федеральный округ входит в эксперимент по созданию одной из первых в стране электронных таможен [22]. Предполагаемый объем ежедневного декларационного массива в данной таможне составит примерно 1500 деклараций. В ней уже сконцентрированы отделы документального контроля четырех таможенных постов Нижегородской таможни, которые исполняют функции, связанные с декларированием товаров.

В Московской областной таможне создана система, позволяющая проводить **видеоконтроль за ходом досмотров** и других операций фактического контроля. А в течение двух лет система непрерывного видеоконтроля таможенных операций будет введена по всей стране [10]. Это позволяет фиксировать действия должност-

ных лиц таможенных органов, обоснованность и полноту контроля, сроки его производства. Таким образом, за работой таможенников даже в самых удаленных точках региона можно будет наблюдать в режиме реального времени.

Предпринимаемые ФТС России меры по сокращению времени на проведение таможенных операций, расширение электронного таможенного транзита и внедрение современных информационных технологий ведут к существенному снижению временных и финансовых издержек участников ВЭД и способствуют укреплению конкурентоспособности российского бизнеса.

В последние годы состояние развития цифровых методов и технологий в таможенной сфере в России характеризуется рядом особенностей, тенденций и проблем, которые требуется учитывать для определения перспектив их использования в системе таможенного контроля. Стремительная интеграция российской экономики в глобальную экономику, расширение таможенной границы актуализируют научные исследования, направленные на улучшение таможенного контроля и совершенствование предоставляемых таможенных услуг посредством улучшения информационных технологий [1, 3, 7, 8, 15].

Широкое применение информационных систем и технологий без использования средств защиты представляется довольно опасным. Отсутствие должного внимания к данной проблеме в дальнейшем может привести к незащищенности системы ВЭД перед угрозами неправомерного доступа, копирования и изменения информации, представленной в электронном виде. Эффективность интернет-коммуникаций, развитие информационных технологий в работе таможенных органов немыслимы без решения вопросов информационной безопасности [46].

В целях совершенствования обеспечения информационной безопасности таможенных органов, в том числе защиты сведений, составляющих государственную тайну, на основании Концепции обеспечения информационной безопасности таможенных органов Российской Федерации на период до 2020 г., создан Совет по обеспечению информационной безопасности таможенных органов Российской Федерации [27]. Еще в 1995 году в структуре региональных таможенных управлений были сформированы подразделения информационной безопасности и технической защиты информации, наделенные функциями по технической защите инфор-

мации в таможенной сфере. Со временем функции и задачи технической защиты информации значительно расширились, что стало результатом развития структуры и функций таможенной службы, совершенствования информационной-телекоммуникационной инфраструктуры ЕАИС таможенных органов, расширения международного информационного взаимодействия и внедрения перспективных информационных технологий. Важной задачей является интегрирование информационных ресурсов таможенных органов в государственные информационные системы и логистические информационные системы участников ВЭД.

Функционирование Евразийского экономического союза предполагает и необходимость создания единого информационного пространства, содержащего сведения для таможенных целей. Совершение участниками ВЭД действий посредством применения цифровых технологий в Российской Федерации, должно коррелировать возможности осуществления аналогичных мер и в других государствах-членах ЕАЭС. Кроме того, таможенные органы государств-членов ЕАЭС при осуществлении таможенного контроля должны владеть необходимой информацией о товарах и совершаемых с ними операциях на всей союзной территории.

К сожалению, до настоящего времени в этой области не решены многие проблемы. Таковой, например, является отсутствие взаимного признания государствами ЕАЭС электронной цифровой подписи, что служит препятствием для доступа потенциальных поставщиков к участию в закупках в электронном формате. Евразийской экономической комиссии поручено разработать планы мероприятий по взаимному признанию государствами-членами ЕАЭС электронной цифровой подписи в рамках формирования трансграничного пространства доверия.

Особую значимость приобретают и проблемы, требующие незамедлительного устранения при их возникновении: технические сбои в системе, ошибки эксплуатации системы, кибератаки, нарушение режима конфиденциальности, злонамеренные действия лиц. В данной связи эффективное управление информационными системами, надлежащее их администрирование — залог успешной работы всей таможенной службы в целом.

В данной связи Высшим Евразийским экономическим советом были утверждены Основные направления реализации цифровой повестки

Евразийского экономического союза до 2025 года [33]. Цели реализации цифровой повестки заключаются в актуализации сложившихся механизмов интеграционного сотрудничества в рамках Союза с учетом глобальных вызовов цифровой трансформации, в обеспечении качественного и устойчивого экономического роста государств-членов, в том числе для ускоренного перехода экономик на новый технологический уклад, формирования новых индустрий и рынков, развития трудовых ресурсов. Реализация цифровой повестки позволит синхронизировать цифровые трансформации и сформировать условия для развития отраслей будущего в государствах-членах ЕАЭС. С помощью такой технологии возможно обеспечить прослеживаемость прохождения товаров по таможенной территории ЕАЭС.

Евразийской экономической комиссией планируется разработка концепции экосистемы цифровых транспортных коридоров ЕАЭС. Создание этой системы способствует формированию общего рынка транспортных услуг и единого транспортного пространства ЕАЭС, реализации транзитного потенциала Союза, совершенствованию контрольно-надзорных функций на транспорте, снижению административных барьеров, ускорению окупаемости инфраструктурных проектов, повышению эффективности, доступности и безопасности транспортных услуг и снижению их себестоимости.

Важным направлением деятельности Евразийской экономической комиссии следует признать развитие механизма «единого окна», предполагающего охват всего процесса ведения бизнеса на территории ЕАЭС: регистрация хозяйствующего субъекта; поиск партнеров; заключение и совершение внешнеторгового контракта; выпуск товара в оборот; налоговый аудит. Для ведения внешнеэкономической деятельности предпринимателю необходимо будет сделать в информационной системе семь шагов: зарегистрироваться в системе и сформировать личный кабинет участника ВЭД, найти партнера, заключить контракт онлайн, выполнить финансовые обязательства (оплата товаров и услуг, таможенные платежи и пр.), активизировать данные, провести мониторинг движения товаров, выполнить учет и контроль [6]. Механизм «единого окна» станет первым сервисом для бизнеса, в котором предприниматели получают удаленный доступ сразу ко всем органам исполнительной власти, задействованным в системе

регулирования ВЭД. Для этого необходимыми факторами станут лишь желание самого лица и доступ в интернет.

Предполагается, что цифровая трансформация рынка товаров и услуг приведет к значительному упрощению торговых процедур путем перехода в цифровую форму, активному использованию электронной торговли, а также к эффективной реализации и использованию механизмов «единого окна» в сфере экономики. Это потребует проведения дальнейшей гармонизации в сфере правил ведения трансграничной электронной торговли, стимулирования ведения бизнеса в цифровой форме, координации действий в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности и прав потребителей цифрового рынка, а также включения вопросов регулирования сотрудничества в сфере цифровой экономики в повестку дня торговых переговоров Союза с третьими странами.

Таким образом, в настоящее время прослеживается тенденция развития инструментов электронного декларирования товаров, создания информационно-технических условий для автоматизированного принятия решений в отношении декларантов, более активного использования механизма предварительного информирования, совершенствования информационно-технических условий для оказания таможенных услуг и проведения таможенного контроля путем обеспечения межведомственного взаимодействия, совершенствования информационно-технических условий использования системы управления рисками в целях минимизации расходов по проведению таможенного контроля и повышения определения случаев недобросовестного экономического поведения участников ВЭД.

Внедрение цифровых методов и технологий в таможенной сфере позволило ФТС России при обеспечении поддержки собственных таможенных процессов и содействии международной торговле создать благоприятные условия для международного товарооборота, минимизировать влияние человеческого фактора на таможенные процессы, сократить расходы на государственное управление. Разработка и внедрение информационных технологий в таможенной сфере — своевременный и необходимый процесс, который позволяет повысить качество и оперативность совершения таможенных операций.

Библиографический список

1. Агамагомедова С.А., Курдина Н.В. Развитие информационных технологий в таможенном деле // Таможенное дело и внешнеэкономическая деятельность компаний. 2017. № 1 (2). С. 418–432.
2. Амелин Р.В. Государственные и муниципальные информационные системы в российском информационном праве: теоретико-правовой анализ: монография / Под ред. С.Е. Чаннова. М.: ГроссМедиа, 2018. С.7–16.
3. Барбышева Г.И., Мешвелиани Н.Б. Совершенствование таможенного декларирования и таможенного контроля в результате внедрения новых информационных технологий // Научная дискуссия: инновации в современном мире. 2016. № 7 (50). С. 93–98.
4. Емельянова Н.З. Основы построения автоматизированных информационных систем: Учебное пособие / Н.З. Емельянова, Т.Л. Партыка, И.И. Попов. — М.: Форум: Инфра-М, 2015. С. 215.
5. Зуева Т.С. Особенности внедрения электронного декларирования в работу участников внешнеэкономической деятельности и таможенных органов на территории России // Таможенное дело. 2014. № 2. С. 3–6.
6. Информация опубликована на официальном сайте Евразийской экономической комиссии. См.: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/13-07-2018-3.aspx> (дата обращения 06.04.2019)
7. Клязьмина А.И. Информационные технологии как направление повышения результативности таможенного контроля // Научный журнал «Дискурс». 2016. № 2 (2). С. 450–457.
8. Концепции системы предварительного информирования таможенных органов Российской Федерации, утв. приказом ФТС России от 10 марта 2006 г. № 192 // Таможенный вестник. 2006. № 7.
9. Корняков К.А. Перспективы использования новых технологий как средств модернизации таможенного контроля товаров в условиях Таможенного союза // Таможенное дело. 2011. № 4. С. 33–38.
10. Куликов С. Сам себе режиссер. ФТС начала снимать все досмотры на камеру // Рос.газета. 2018. 8 июля.
11. Куптель Е.В. Информационные технологии как незаменимый инструмент в работе менеджера по таможене. URL: https://interactive-plus.ru/ru/article/118908/discussion_platform (дата обращения: 03.07.2018).
12. Макарова Г.В., Тиницкая О.В. Электронный документооборот как основа развития таможенных операций // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. № 1. С. 71–81.
13. Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур: совершено в Киото 18 мая 1973 г. (в ред. Протокола от 26 июня 1999 г.). Ратифицирована Федеральным законом от 3 ноября 2010 г. № 279-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 32. Ст. 4810.
14. Немирова Г.И., Ермакова А.А. Состояние и перспективы развития информационных технологий в системе таможенного контроля // Таможенное дело. 2018. № 1. С.12.
15. Новикова С.А., Сураева В.Р. Внедрение информационных электронных технологий как фактор совершенствования таможенного администрирования // ФЭС: Финансы. Экономика. 2015. № 1. С. 33–37.
16. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/tam_sotr/dep_tamoj_infr/SiteAssets/Pages/pr_inf/%D0%9F%D0%BE%D1%80%D1%8F%D0%B4%D0%BE%D0%BA%20%D0%B8%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F_13.06.2018.pdf (дата обращения: 05.04.2019).
17. Официальный сайт ФТС России. URL: http://customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=26346:-35-----2017-&catid=40:2011-01-24-15-02-45 (дата обращения: 05.04.2019).
18. Официальный сайт ФТС России. URL: <http://sea.customs.ru> (дата обращения: 05.04.2019).
19. Официальный сайт ФТС России. URL: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=18560:-1-2014-----&catid=40:2011-01-24-15-02-45 (дата обращения: 05.04.2019).
20. Официальный сайт ФТС России. URL: <https://edata.customs.ru/FtsPersonalCabinetWeb> (дата обращения: 06.04.2019).
21. Портал предварительного электронного представления сведений физическими лицами в таможенные органы. URL: <http://93.84.112.51:8081/EpiFiz/> (дата обращения: 04.04.2019).
22. Порядка 1500 деклараций будет ежедневно оформлять Приволжская электронная таможня. URL: Официальный сайт ФТС России http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=26484:-1500-----&catid=40:2011-01-24-15-02-45&Itemid=2094&Itemid=1835 (дата обращения: 07.07.2018).

23. Приказ Минфина России от 30 августа 2016 г. № 144н «Об утверждении Порядка использования Единой автоматизированной информационной системы таможенных органов при таможенном контроле, таможенном декларировании и выпуске (отказе в выпуске) товаров, помещаемых под таможенную процедуру таможенного транзита, в электронной форме». URL: Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.04.2019).
24. Приказ ФТС России от 17 июня 2010 г. № 1154 (с изм. и доп. от 18 сентября 2012 г.) «Об утверждении Положения о Единой автоматизированной информационной системе таможенных органов» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.04.2019).
25. Приказ ФТС России от 17 сентября 2013 г. № 1761 «Об утверждении Порядка использования Единой автоматизированной информационной системы таможенных органов при таможенном декларировании и выпуске (отказе в выпуске) товаров в электронной форме, после выпуска таких товаров, а также при осуществлении в отношении них таможенного контроля» // Рос. газета. 2014. № 56.
26. Приказ ФТС России от 21 октября 2015 г. № 2133 «Об утверждении основных направлений развития информационно-коммуникационных технологий в таможенных органах Российской Федерации до 2030 года» // Таможенные ведомости. 2016. № 1.
27. Приказ ФТС России от 22 августа 2011 г. № 1702 «Об утверждении Положения и состава Совета по обеспечению информационной безопасности таможенных органов Российской Федерации». URL: <http://customs.ru/images/stories/GROUPS/sndt9fc7.pdf> (дата обращения: 06.04.2019).
28. Приказ ФТС России от 24 января 2008 г. № 52 «О внедрении информационной технологии представления таможенным органам сведений в электронной форме для целей таможенного оформления товаров, в том числе с использованием международной ассоциации сетей «Интернет»» // Рос. газета. 2008. 1 марта.
29. Распоряжение Правительства РФ от 1 ноября 2013 г. № 2036-р «Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года» // СЗ РФ. 2013. № 46. Ст. 5954.
30. Распоряжение Правительства РФ от 14 декабря 2005 г. № 2225-р «О Концепции развития таможенных органов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 2. Ст. 260.
31. Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2012 г. № 2575-р (с изм. и доп. от 10 февраля 2018 г. № 207-р) «О Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ. 2013. № 2. Ст. 109; 2018. № 8. Ст. 1254.
32. Распоряжение ФТС России от 19 декабря 2013 г. № 406-р (с изм. и доп. от 5 июня 2014 г.) «Об утверждении Временного порядка действий должностных лиц таможенных органов при удаленной уплате таможенных платежей лицами, осуществляющими декларирование товаров в электронной форме, с использованием электронного терминала» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.04.2019).
33. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» // Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org/>, (дата обращения: 05.04.2019).
34. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 19 декабря 2017 г. № 188 «О некоторых вопросах, связанных с выпуском товаров» (вместе с «Порядком совершения таможенных операций, связанных с выпуском товаров, отказом в выпуске товаров и аннулированием выпуска товаров, оформления решений о приостановлении срока выпуска товаров, продлении срока такого приостановления и об их отмене, а также уведомления о принятии таких решений») // Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 04.04.2019).
35. Решение Комиссии Таможенного союза от 8 декабря 2010 г. № 494 «Об Инструкции о порядке предоставления и использования таможенной декларации в виде электронного документа». URL: Официальный сайт Комиссии Таможенного союза <http://www.tsouz.ru/> (дата обращения: 05.04.2019).
36. Решение Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 899 «О введении обязательного предварительного информирования о товарах, ввозимых на таможенную территорию Таможенного союза автомобильным транспортом» // СПС «КонсультантПлюс».
37. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 22 августа 2017 г. № 100 «Об утверждении Стратегии развития интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза на период до 2025 года». URL: Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 05.04.2019).
38. Сайт платежной системы «Мультисервисная платежная система». URL: <http://www.payhd.ru/> (дата обращения: 06.04.2019).

39. Сайт платежной системы «Таможенная карта». URL: <https://www.customscard.ru/> (дата обращения: 06.04.2019).
40. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). URL. Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 05.04.2019).
41. Федеральный закон от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ (с изм. и доп. от 29 декабря 2017 г.) «О таможенном регулировании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 48. Ст. 6252; 2018. № 1. (ч. 1). Ст. 54. В настоящее время в основной части утратил силу.
42. Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 32 (ч.1). Ст.5082.
43. Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (с изм. и доп. от 23 июня 2016 г.) // СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2036; СЗ РФ. 2016. № 26. Ч. 1. Ст. 3889.
44. ФТС России запустит два новых сервиса в «Личном кабинете участника ВЭД». URL: Официальный сайт ФТС России: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=26363:----1---r&catid=40:2011-01-24-15-02-45&Itemid=2094&Itemid=1835 (дата обращения: 06.04.2019).
45. ФТС России: 3–5 минут составило среднее время автоматической регистрации и выпуске товаров в 2017 году. URL: Официальный сайт ФТС России http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=26346:-35-----2017-&catid=40:2011-01-24-15-02-45&Itemid=2094&Itemid=1835 (дата обращения: 05.04.2019).
46. *Чеботарева А.А.* Интернет-коммуникации таможенных органов с гражданами и участниками внешнеэкономической деятельности: вопросы информационной открытости и эффективного взаимодействия при соблюдении информационной безопасности // Таможенное дело. 2016. № 3. С. 33–36.

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК АСПЕКТ ПРАВОВОТВОРЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2019 Голубитченко Мария Александровна

кандидат юридических наук

старший преподаватель кафедры финансового, банковского и таможенного права

Саратовская государственная юридическая академия

410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

E-mail: bearpaw-margo@yandex.ru

Кибер-атаки и мошенничество в финансовой сфере приносят огромный ущерб не только банковскому сектору, но и всей экономике России. В статье дана характеристика изданным Центральным банком РФ в инициативном порядке Основным направлениям развития финансовых технологий на период 2018–2020 годов как программного документа концептуального характера, в котором реализуется правотворческая политика Банка России в указанной сфере. Выделены два подхода законодателя к реализации нормотворческой функции Банка России: общий и специальный.

Обозначена тенденция развития нормотворческой функции Банка России, которая заключается в расширении специального подхода к определению нормотворческих полномочий Банка России, в том числе в сфере финансовых технологий. Дана положительная оценка нормотворческой активности Банка России и формирования делового взаимодействия регулятора с банковским сообществом в разработке механизма оценки последующего фактического воздействия нормативных актов Банка России.

Ключевые слова: Центральный банк РФ, финансовый рынок, финансовые технологии, Основные направления развития финансовых технологий, нормативные акты Банка России, правотворческая политика Банка России.

Развитие российского финансового рынка характеризуется активным внедрением финансовых технологий, что требует адекватного правового обеспечения. Е.Ю. Грачева справедливо обращает внимание на то, что финансовая сфера подвержена постоянным изменениям, обусловленным трансформацией финансово-правовых механизмов. Поэтому издание Центральным банком РФ Основных направлений развития финансовых технологий на период 2018–2020 годов является важным событием финансово-правового регулирования общественных отношений на финансовом рынке.

В «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года», утвержденной Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208, намечены цели и задачи государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности страны. Банк России, принимая во внимание вышеупомянутый документ, принял ряд мер для повышения уровня информационной безопасности проведения финансовых операций.

Эти инициативы ЦБ РФ изложены в Указе Банка России от 7 мая 2018 г. № 4793-У «О внесении изменений в положение Банка России от 9 июня 2012 года № 382-П «О требованиях к обеспечению защиты информации при осуществлении переводов денежных средств и о порядке осуществления Банком России контроля за соблюдением требований к обеспечению защиты информации при осуществлении переводов денежных средств» [1, с.58].

Целеполагание Основных направлений развития финансовых технологий на период 2018–2020 годов свидетельствует о системной направленности данного программного документа концептуального характера на эффективную реализацию функций Банка России на современном этапе социально-экономического и политико-правового развития.

Так, Банком России в Основных направлениях развития финансовых технологий на период 2018–2020 годов поставлены следующие цели: содействие развитию конкуренции на финансовом рынке; повышение доступности, качества и

ассортимента финансовых услуг; снижение рисков и издержек в финансовой сфере; повышение уровня конкурентоспособности российских технологий.

Поэтому представляется весьма обоснованным подчеркнуть взаимосвязь Основных направлений развития финансовых технологий на период 2018–2020 годов с другим программным документом концептуального характера — Стратегией повышения финансовой доступности в России на период 2018–2020 годов, которая была одобрена Советом директоров Банка России 26 марта 2018 г.

Основные направления развития финансовых технологий на период 2018–2020 годов содержат положения о необходимости издания нормативных правовых актов в заявленной сфере общественных отношений, включая нормативные акты Банка России. Обозначенный программный документ Банка России, носящий концептуальный, стратегический характер, содержит элементы концепции проекта нормативного акта Банка России.

В указанном аспекте Основные направления развития финансовых технологий на период 2018–2020 годов возможно охарактеризовать как документ правотворческой политики Центрального банка РФ, что представляется актуальным исследовать как с научно-теоретических, так и с практических позиций.

В теории права нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти подвергаются анализу не только с позиций устранения подзаконного правотворчества, вытеснения его законодательным регулированием, но и, что представляется востребованным, с позиций изменения политики в отношении этого вида правотворческой деятельности, сутью которого являются гармонизация законодательства; определение его меры и удельного веса, которые не должны вести к исчезновению подзаконного (в том числе ведомственного) регулирования; создание необходимых условий для оптимального сочетания законов и подзаконных актов в правовой системе страны.

Как справедливо полагают А. В. Малько и А. П. Мазуренко, это объясняется тем, что в законах невозможно полностью отразить все тонкости регулирования тех или иных общественных отношений; развить и конкретизировать положения законов призваны подзаконные акты, в которых содержится самая значительная часть

всех правовых предписаний [5, с.95].

Это касается и правотворчества Центрального банка РФ как субъекта с особым публично-правовым статусом, нормотворческая функция которого последовательно рассматривается Конституционным Судом РФ как элемент компетенции Центрального банка РФ, имеющей конституционно-правовые основы. В определении от 26 октября 2017 г. № 2494-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Давыдова Андрея Павловича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 7 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» Конституционный Суд РФ подтвердил ранее сформулированные правовые позиции о нормотворческих полномочиях Банка России, характеризующихся принципом обязательности.

Следует подчеркнуть, что в деятельности правотворческих органов важное значение имеет принцип гласности. В указанном аспекте позитивное значение приобретает факт размещения Основных направлений развития финансовых технологий на период 2018–2020 годов на главной странице официального сайта Банка России в информационно-телекоммуникационной сети Интернет [3, с.209].

Применительно к Основным направлениям развития финансовых технологий на период 2018–2020 годов следует выделить два подхода в реализации нормотворческой функции Центрального банка РФ: общий и специальный. Общий подход в определении полномочий Центрального банка РФ на издание нормативных актов закреплен в ст. 7 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», что имеет отношение и к изданию Банком России нормативных актов в сфере финансовых технологий.

Специальные подходы определены в проектах федеральных законов № 419059–7 ФЗ «О цифровых финансовых активах»⁸, который предусматривает издание Банком России нормативных актов как самостоятельно, так и по согласованию с Правительством РФ, и № 419090–7 «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге)», который четко формулирует позицию о полномочиях Банка России принимать нормативные акты по вопросам, отнесенным к его компетенции настоящим федеральным законом (п. 7 ч. 1 ст. 14 проекта).

Усиление специального подхода в реализа-

ции нормотворческой функции Банка России является тенденцией развития правового регулирования нормотворческой функции Банка России, в том числе применительно к вопросам правового регулирования финансовых технологий.

Правовое регулирование финансовых технологий содержит финансово-правовую, административно-правовую, гражданско-правовую и иную отраслевую направленность. Издание нормативных актов Банка России в сфере развития финансовых технологий ставит вопрос о полномочиях Банка России издавать нормативные акты, содержащие нормы гражданского права.

Дело в том, что ст. 3 Гражданского кодекса РФ, закрепляя подзаконное нормотворчество в сфере гражданских отношений, обращает внимание на полномочия Президента РФ, Правительства РФ, министерств и иных федеральных органов исполнительной власти, к которым Центральный банк РФ не может быть отнесен в силу особенностей публично-правового статуса.

Выходом из сложившейся ситуации предлагается считать положения ч. 4 ст. 48 ГК РФ о том, что правовое положение Центрального банка РФ (Банка России) определяется Конституцией РФ и законом о Центральном банке РФ, т.е. включая полномочия на издание нормативных актов, в том числе содержащих нормы гражданского права.

В перспективе представляется необходимым внести дополнение в ст. 3 ГК РФ о нормативных актах Банка России, содержащих нормы гражданского права. Следует заметить, что проект Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» не содержит упоминаний о нормативных актах Банка России.

Возможно суждение и о том, что упоминаемые в проектах федеральных законов № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» и № 419090-7 ФЗ «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге)» нормативные акты Банка России не будут содержать нормы гражданского права, а будут являться источниками финансового права, административного права.

В указанном аспекте заслуживает поддержки предложение о выделении для целей оценки качества нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, нор-

мативных правовых актов Центральной избирательной комиссии РФ, нормативных актов Банка России, нормативных правовых актов иных государственных органов Российской Федерации и должностных лиц Российской Федерации.

Таким образом, нормативные акты Банка России справедливо предлагается рассматривать обособленно от нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти. Изложенный подход предлагается использовать при внесении дополнений в ст. 3 ГК РФ о нормативных актах Банка России, содержащих нормы гражданского права.

Подлежат доктринальному осмыслению новеллы правового регулирования нормотворческой функции Банка России, предусмотренные в Положении Банка России от 22 сентября 2017 г. № 602-П «О правилах подготовки нормативных актов Банка России», касающиеся планирования нормотворческой деятельности Банка России, оценки регулирующего воздействия нормативных актов Банка России применительно к реализации Основных направлений развития финансовых технологий на период 2018–2020 годов.

В указанном аспекте представляется важным развитие взаимодействия Банка России и банковских ассоциаций. Заслуживает внимания позиция Президента Ассоциации банков России (Ассоциации «Россия») Г.И. Лунтовского, который в докладе на XX Всероссийской банковской конференции «Банковская система России 2018: практические вопросы текущего надзора и регулирования» обратил внимание на то, что Ассоциация планирует выйти с инициативой и предложить Банку России механизм оценки последующего фактического воздействия нормативных актов.

Это имеет отношение и к оценке последующего фактического воздействия нормативных актов Банка России в сфере финансовых технологий. Нормотворческая активность Банка России востребована в связи с развитием общественных отношений в сфере финансовых технологий. Нормотворческая активность Банка России носит позитивный характер. Следует согласиться с высказанным в науке мнением о рассмотрении реализации правотворческих функций как проявления культуры организации юридического процесса.

В юридической науке обсуждается проблема бездействия в правотворчестве и законода-

тельном процессе в общетеоретическом аспекте. Для науки финансового права данные вопросы также актуальны.

Таким образом, Основные направления развития финансовых технологий на период 2018–

2020 годов являются инициативно изданным Центральным банком РФ программным документом концептуального характера, выражающим правотворческую политику Банка России в указанной сфере.

Библиографический список

1. Белов В. М., Зырянова Е. В., Косов Д. Л. Особенности оценки качества нормативных правовых актов. Использование автоматизированной системы оценки качества нормативных правовых актов // Государство и право. — 2017. — № 10.
2. Гневко А. В., Макроменко В. Д. Бездействие в правотворчестве и законодательном процессе: общетеоретический аспект // Ленинградский юридический журнал. — 2017. — № 3.
3. Комиссаров Е. А. Тенденции развития угроз информационной безопасности // Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки, 2016. № 3. С. 209.
4. Литвинов Д. А. Киберпреступность в банковской сфере России: характер, масштабы, последствия // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. Воронеж, 2017. № 1. С. 38.
5. Малько А. В., Мазуренко А. П. Правотворческая политика России: история и современность: монография. — М.: Юрлитинформ, 2014.
6. Трофимов В. В., Самородов В. Ю. Реализация правотворческих функций как проявление культуры организации юридического процесса // Правовая парадигма. — 2017. — Т. 16. — № 4.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО;
ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО**

ОСНОВАНИЯ ПРИЗНАНИЯ ЛИЦА НАСЛЕДНИКОМ, ИМЕЮЩИМ ПРАВО НА ОБЯЗАТЕЛЬНУЮ ДОЛЮ ПРИ НАЛИЧИИ ИНОСТРАННОГО ЭЛЕМЕНТА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

© 2019 Мусабилова Динара Анваровна

кандидат юридических наук, доцент

Набережночелнинский институт Казанского федерального университета

423800, РТ, г. Набережные Челны, пр-т Сююмбике, д. 10

E-mail: MusabirovaDinara@mail.ru

© 2019 Мельникова Наталья Николаевна

магистрант третьего года обучения

Набережночелнинский институт Казанского федерального университета

423800, РТ, г. Набережные Челны, пр-т Сююмбике, д. 10

Настоящая статья представляет собой исследование специфики определения лиц, имеющих право на получение обязательной доли в наследстве при наличии иностранного элемента. Авторы выявляют сложности определения оснований для признания лиц в качестве таковых, указывают на наличие нескольких диаметрально противоположных позиций правоприменителя по данному вопросу, а также предлагают использовать иной подход в разрешении подобного рода конфликтов.

Ключевые слова: обязательная доля в наследстве, иностранный элемент, основания признания лица нетрудоспособным.

Учитывая все разнообразие современных правоотношений в масштабах общемирового правового регулирования, сложно найти более универсальный — в плане его распространенности и примерно единого толкования его существа — институт, нежели наследование. Он же по праву является и одной из самых древнейших категорий правовых предписаний, потому достаточно велик круг норм, регламентирующих наследование. Кроме того, несмотря на идентичность его понимания во всех известных правовых порядках (т.е. передача имущества умершего), сам процесс такой передачи, круг наследников, правила выделения долей, находятся в жесткой взаимосвязи с местными традициями и обычаями.

Отмеченная тесная связь с обычаями и иными традициями обуславливает наличие существенных различий между внутренним законодательством в правовом регламентировании в области наследования. Как верно отмечается в литературе — подобного рода регулирование «осуществляется комплексно с учетом обычаев, традиций, религий, моральных и нравственных особенностей каждого народа, что представляет определенную сложность в выработке единых правил при принятии наследства. Поэтому существует разнообразие в правовом регулирова-

нии наследственных отношений, и, в частности, наследования имущества умершего» [3; С. 36].

Число дел, связанных с наследственным правопреемством с элементами МЧП, начало активно расти лишь во 2ой половине XX в., ввиду общего изменения экономических и политических условий, а также развитием миграции населения не только в пределах одного государства. Переселенцы, умирая на новом месте жительства, оставляли имущество, обеспечение передачи которого приемникам-иностранцам становилось заботой законодателя. На данном же этапе, основной в нашем законодательстве (правда весьма небольшой) круг норм, посвященный уяснению ответов на вышеуказанные вопросы, содержится в тексте Гражданского кодекса РФ (части третьей) (далее — ГК РФ).

Сообразно увеличению числа дел подобного толка, проявились и различного рода сложности, о чем свидетельствует увеличение споров по рассматриваемой категории дел. Так, например, правило об обязательной доле в наследстве, существующее в большинстве стран континентальной правовой системы, фактически неизвестно странам англосаксонского права.

Видится справедливым мнение о том, что наличие института обязательной доли в российском наследственном праве призвано поддер-

жать отдельную категорию лиц, нуждающихся в особой защите (из-за возраста или состояния здоровья), а также обеспечить их материальным достатком.

Наследственное право Франции и Германии также содержит указание об обязательной доле в наследстве при наследовании имущества наследодателя [4; С. 42]. Так, в Германии, например, согласно § 2303–2338 Германского гражданского уложения (далее — ГГУ) [5] предусматривается «система обязательной доли», согласно которой «обязательный дольщик» является не наследником по закону, а лишь кредитором, который вправе требовать выплаты ему определенной суммы наследниками по завещанию. В Англии, напротив, законодательству неизвестны такие понятия, как «резерв» или «обязательная доля» [4; С.44].

Следовательно, институт обязательной доли как в отечественном праве России, так и большинства иных развитых стран признается и существует. Но если у нас он имеет исключительно социальный окрас и направлен на охрану имущественных интересов нуждающихся по какой-либо причине лиц, при жизни наследодателя тесно связанных с ним; то в зарубежных правовых порядках вхождение в круг обязательных наследников обычно никак не связано с нетрудоспособностью, несовершеннолетием, иждивением, совместным проживанием. Обязательные наследники — просто потомки наследодателя, а также субсидиарно родители и супруг [9; С. 32].

Анализ практики применения правил об обязательной доле, «отягощенной» иностранным элементом, показал, что при реализации такого указания российского законодателя возникает значительный ряд трудностей, связанных с определением существа (и, главное, порядком такого определения) нетрудоспособности.

Рассмотрим такое дело [2]. Истец обратился в суд к нотариусу г. Москвы с иском о признании себя наследником обязательной доли. Указал, что является сыном наследодателя, а также нетрудоспособным инвалидом ввиду наличия онкологического заболевания. В дело были представлены документы о наличии болезни (но не инвалидности).

Суды первых двух инстанций отказали в иске. Оспаривая их резюме в кассационном порядке, истец указал, что его местом жительства является США и он не имеет возможности по состоянию здоровья прибыть в РФ для оформ-

ления инвалидности по нормам отечественного права.

В кассации суд поддержал репуте первых двух инстанций, обосновав свои выводы правилами ст. 1 ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [8], что «признание лица инвалидом осуществляется федеральным учреждением медико-социальной экспертизы» по правилам, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 20 февраля 2006 года № 95 «О порядке и условиях признания лица инвалидом» [6]. Правоприменитель также указал, что применимы именно эти нормы права, поскольку истец является гражданином РФ, значит, его личным законом должно быть отечественное право, и именно в соответствии с его содержанием должны устанавливаться юридические факты, с которыми тесно связано возникновение регулируемых российским правом отношений.

Действительно, в данном случае в рассуждениях правоприменителя можно обнаружить здоровое зерно — наличие инвалидности (автоматически означающей по российскому праву нуждаемость) документально подтверждено не было. Но и в противном случае суды настаивают на необходимости получения документов о наличии инвалидности исключительно по меркам российского права.

Так, истец по одному из дел обратился в суд о выделении ему обязательной доли, поскольку являлся гражданином РФ и инвалидом со степенью утраты трудоспособности 50, установленной 01.07.2008 г. Нижнесаксонским земельным управлением социальной защиты молодежи и семьи (ФРГ). Суды трех инстанций отклонили наличие этого документа ссылаясь на отсутствие признания истца инвалидом федеральным учреждением медико-социальной экспертизы [7].

Полагаем, что подобное толкование действующих правовых норм приводит к нарушению принципа справедливости. Сверх того, отдельные существующие в нашей правовой практике решения базируются прямо на противоположном подходе.

Так, по одному из дел было установлено, что за получением обязательной доли обратилась гражданка Казахстана, дочь наследодателя с российским гражданством. По ее мнению, поскольку она уже достигла пенсионного возраста (на тот момент), а именно — 55 лет, значит, она не трудоспособна со всеми вытекающими из этого в сфере наследования последствиями.

Другие же заинтересованные по делу лица, настаивали на необходимость применения личного закона истицы, т.е. Казахстана, по смыслу которого истица еще не является пенсионеркой.

Суд первой инстанции не встал на сторону обращающегося лица. Однако судебная коллегия вышестоящего правоприменителя [1] не согласилась с указанным выводом, поскольку в данном случае речь идет не об определении правового статуса истицы (о чем говорит ст. 1205 ГК РФ о личном законе), не о признании за наследницей права на получение пенсии либо признания ее нетрудоспособной, а об установлении критериев для закрепления за нею правомочия на получение обязательной доли.

Таким образом, применительно к спорным правоотношениям критерием для определения права наследника на обязательную долю, его нетрудоспособность, определяется исключительно фактом достижения им установленного возраста 55 (60) лет, вне зависимости от признания этого факта на территории государства проживания истца. Подобный подход, полагаем, отвечает существу установленных нашим законодателем

требований, а подобное решение дела — видится правомерным и соответствует принципу справедливости.

Возвращаясь к предыдущим примерам из правоприменительной практики, следует отметить, что цель признания за лицом права на обязательную долю, как указывалось выше, сводится к необходимости обеспечения средствами нуждающегося лица. Основанием для такового является признание инвалидности в официальном порядке, однако закон не ограничивает каким-либо образом возможность признания за конкретным лицом подобного состояния правомочием иностранного государства.

Полагаем, с целью наиболее полного соблюдения прав нуждающихся наследников необходимо и в нормативном массиве закрепить правило о не применении ст. 1205 ГК РФ к подобного рода ситуациям, поскольку признание инвалидности должно приниматься российским судом за данность и в том случае, когда оно подтверждено в уполномоченном порядке иным государством.

Библиографический список

1. Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 17 июня 2015 г. по делу № 33–5459/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Апелляционное определение Московского городского суда от 6 ноября 2014 г. по делу № 33–43571 // СПС «КонсультантПлюс».
3. *Баринов Н.А., Блинков О.Е.* Наследование в международном частном праве и сравнительном правоведении // *Наследственное право.* 2013. № 1. С. 33–40.
4. *Войтович Е.П.* Наследование обязательной доли в международном частном праве // *Наследственное право.* 2018. № 3. С. 40–44.
5. Гражданское уложение Германии от 18 августа 1896 г. // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Правительства РФ от 20 февраля 2006 г. № 95 «О порядке и условиях признания лица инвалидом» // *Собрание законодательства РФ.* 2006. № 9. Ст. 1018.
7. Постановление Президиума Московского городского суда от 21 сентября 2012 г. по делу № 44г-138 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ.* 1995. № 48. Ст. 4563.
9. *Частное право. Преодолевая испытания. К 60-летию Б.М. Гонгало / М.В. Бандо, Р.Б. Брюхов, Н.Г. Валеева и др.* — М.: Статут, 2016. — 256 с.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФРАНЧАЙЗИНГА В АВСТРАЛИИ

© 2019 **Ющенко Наталья Анатольевна**

кандидат юридических наук, доцент

Набережночелнинский институт Казанского федерального университета

423800, РТ, г. Набережные Челны, пр-т Сююмбике, д. 10

E-mail: yushchenko31@rambler.ru

© 2019 **Гайфутдинова Розалия Закиевна**

кандидат юридических наук, доцент

Набережночелнинский институт Казанского федерального университета

423800, РТ, г. Набережные Челны, пр-т Сююмбике, д. 10

E-mail: rozagayfudinova@mail.ru

© 2019 **Хасимова Лейсан Нафисовна**

кандидат юридических наук, доцент

Набережночелнинский институт Казанского федерального университета

423800, РТ, г. Набережные Челны, пр-т Сююмбике, д. 10

E-mail: hasimov_1@mail.ru

В статье путем анализа законодательных актов, регулирующих франчайзинг, представлена система правового регулирования франчайзинговых отношений в Австралии, а также дана оценка их эффективности. Определены типы правового регулирования франчайзинговых отношений в мировой практике. Исследована деятельность Австралийской комиссии по конкуренции и защите прав потребителей (АССС) по выявлению и пресечению нарушений во франчайзинговой деятельности.

Ключевые слова: франчайзинг, коммерческая концессия, интеллектуальная собственность, законодательство Австралии, Австралийская комиссия по конкуренции и защите прав потребителей, международное частное право.

Более двадцати лет назад в российском гражданском законодательстве был закреплен институт «коммерческой концессия», который является близким по своей правовой природе институту «франчайзинга» в мировой практике. Проводимые правовые реформы в нашей стране не смогли устранить противоречия в понимании этого института зарубежному опыту.

В российской доктрине посвящено достаточно много статей анализу проблем правового регулирования коммерческой концессии и его законодательному закреплению. Однако развитие мирового рынка, предполагает рассмотрение новых законодательных и правоприменительных практик в этой области.

На сегодняшний день сложилось три типа построения системы правового регулирования франчайзинговых отношений. Первый тип предусматривает принятие специальных законов о франчайзинге, регулирующие экономические и договорные отношения или только договорные отношения. Второй тип регулирования, базируется на включение договорных норм о франчай-

зинге в гражданский кодекс. Третий тип основан на регулирование франчайзинговых отношений общими положениями о договорах и сделках, а также нормами иных отраслей права, в зависимости от вида отношений. На сегодняшний день законы о франчайзинге приняты в 36 странах мира, включая Австралию.

Франчайзинг основан на концепции, в рамках которой, франчайзер лицензирует свои права на результаты интеллектуальной собственности, включая ноу-хау и передает их на возмездной основе франчайзи по договору франшизы.

Франчайзинговые обязательства в основном строятся на договоре франшизы. Франшиза происходит от англо-французского слова «franc» — «свободный» и используется как существительное и как глагол [1].

В Австралии франчайзинг регулируется Franchising Code of Conduct [2] (далее — Кодекс поведения по франчайзингу), и Competition and Consumer Act 2010 г. [3] (далее — Закон о конкуренции и защите прав потребителей), извест-

ный ранее как Закон о торговой практике 1974 года.

Помимо Кодекса поведения по франчайзингу, стороны договора франшизы могут иметь обязательства, основанные на иных законодательных актах Австралии: 1) Fair Work Act, 2009 г. [4] (Закон о справедливой торговле); 2) Australian Securities and Investments Commission Act, 2001 г. [5] (Австралийский закон о ценных бумагах и инвестициях); 3) Income Tax Assessment Act, 1997 г. [6] (Закон об оценке подоходного налога).

Кодекс поведения по франчайзингу вступил в силу с 1 января 2015 года и применяется к франчайзинговым отношениям, возникшим после даты введения этого Кодекса. Однако соглашение о франшизе, заключенное до 1 января 2015 года, будет охватываться всем Кодексом поведения по франчайзингу, если соглашение будет продлено, передано или изменено каким-либо образом с 1 января 2015 года или после этой даты.

Указанный законодательный акт предусматривает, добросовестность сторон в обязательственных отношениях, штрафные санкции, раскрытие информации потенциальным франчайзи, ограничения по затратам и др. В частности, договор о франчайзинге не должен содержать условие, требующее от франчайзи оплаты франчайзеру расходов, понесенных франчайзером в связи с урегулированием спора в рамках соглашения.

Согласно п.5 Раздела 2 Кодекса поведения по франчайзингу, под договором франшизы понимается:

1) письменную или устную форму соглашения, а также соглашение, в котором лицо (франчайзер) предоставляет другому лицу (франчайзи) право заниматься предлагаемым бизнесом, поставки или распространения товаров или услуг в Австралии в рамках системы или маркетингового плана, в значительной степени определяемых, контролируемых или предлагаемых франчайзером или партнером франчайзера; а в соответствии, с которым деятельность предприятия будет по существу или материально связана с торговой маркой, рекламой или коммерческим символом (принадлежит, используется или лицензирован франчайзером или ассоциированным лицом франчайзера; или же указано франчайзером или ассоциированным лицом франчайзера); а также в соответствии с которым, перед началом или продолжением бизнеса

франчайзи должен заплатить или согласиться выплатить франчайзеру или ассоциированному лицу франчайзера денежную сумму. Выплачиваемые франчайзи суммы могут включать: а) первоначальный взнос за капитальные вложения; б) оплату товаров или услуг; в) комиссионное вознаграждение, основанные на процентах от валового или чистого дохода, независимо от того, называются ли они гонораром за роялти или франшизу; г) плату за обучение.

При этом в вознаграждение не включаются: оплата товаров и услуг, поставляемых на основе оптовой торговли; погашение франчайзи ссуды от франчайзера или ассоциированного лица франчайзера; оплата за товары, взятые на консигнацию и поставленные на оптовой основе; выплата рыночной стоимости за покупку или аренду недвижимости, оборудования, оборудования или материалов, необходимых для начала бизнеса или продолжения бизнеса по договору франшизы.

Далее в Кодексе поведения по франчайзингу указывается, что считается договором франшизы: а) передача или продление договора франшизы; б) продление срока или объема франчайзингового соглашения; в) соглашение о продаже автомобилей.

Однако не является соглашением о франшизе: а) отношения работодателя и работника; б) партнерские отношения; в) отношения между арендодателем и арендатором; г) отношения залогодателя и залогодержателя; д) отношения кредитора и заемщика; е) отношения между членами кооператива, который зарегистрирован или образован в соответствии с законами о кооперации и кооперативах.

В понятии договора франшизы, используется термин, ассоциированный для франчайзера лицо. Согласно Кодексу поведения по франчайзингу ассоциированный для франчайзера лицо — это лицо, которое, во-первых, является директором или юридическим лицом связанного органа или директором корпоративного юридического лица франчайзера; или же для франчайзера, который является частной компанией — прямо или косвенно владеет, контролирует или имеет право голоса, по крайней мере, 15% выпущенных голосующих акций франчайзера; или же является партнером франчайзера; а также, чьи отношения с франчайзером имеют отношение к франчайзинговой системе, в том числе потому, что: а) лицо поставляет товары или услуги фран-

чайзи; б) лицо дает франчайзи право занимать помещения, будь то в аренде или иным образом; в) лицо владеет интеллектуальной собственностью, используемой в системе франшизы; г) данное лицо вовлечено в исследование рынка, тестирование рынка, развитие рынка, стимулирование сбыта или управление системой франшизы.

Интересным представляется, предусмотренное Кодексом поведения по франчайзингу обязательство действовать добросовестно в соответствии с соглашением сторон и законом (п.6). При этом суд, рассматривая подобные споры, будет исходить из того, действовала ли сторона честно и содействовала ли она другой стороне для достижения целей соглашения. Эта норма в Кодексе поведения по франчайзингу является императивной и не может быть исключена или ограничена сторонами в соглашении. Действие же стороны в своих законных коммерческих интересах, рассматривается как добросовестное поведение.

Кодекс поведения по франчайзингу предусматривает основания расторжения договора франшизы в связи с: 1) «охлаждением»; 2) нарушением условий договора франчайзи; 3) условиями договора; 4) истечением срока действия договора; 5) особыми обстоятельствами.

Из перечисленных оснований, обращает внимание период «охлаждения» и особые обстоятельства.

Пункт 26 Кодекса поведения по франчайзингу, предусматривает расторжение договора франшизы периодом «охлаждения». Термин «охлаждение» законом не трактуется, но из смысла раскрываемой нормы видно, что франчайзи может расторгнуть договор франшизы, либо договор о заключении договора франшизы в течение 7 дней, даже если был осуществлен платеж в соответствии с этим соглашением. Если франчайзи прекращает действие соглашения, то франчайзер должен в течение 14 дней вернуть все платежи, сделанные франчайзи франчайзеру в соответствии с соглашением. Однако франчайзер может вычестить из возмещаемой суммы, разумные расходы франчайзера, если расходы или их метод расчета были предусмотрены в соглашении.

Согласно п.29 Кодекса поведения по франчайзингу особые обстоятельства применяются только к франчайзи, под которыми признаются: а) прекращение у франчайзи лицензии, не-

обходимой для осуществления предпринимательской деятельности в рамках франчайзинга; б) банкротство франчайзи; в) снятие с учета Австралийской комиссией по ценным бумагам и инвестициям; г) добровольный отказ от занятия предпринимательской деятельности или франшизных отношений; д) осуждение франчайзи за тяжкое преступление; е) осуществление предпринимательской деятельностью, таким образом, при которой ставит под угрозу здоровье или безопасность населения; ж) франчайзи действует обманным путем при осуществлении предпринимательской деятельности, связанного с франчайзингом.

При возникновении спора по договору франшизы, закон предусматривает процедуру его урегулирования.

Заявитель направляет нарушителю письменное уведомление о характере спора, условиях восстановления нарушенного права и сроках их разрешения. Если стороны договора не могут разрешить конфликт в течение трех недель, то дело передается, назначенному сторонами посреднику (медиатору) в соответствии с условиями договора или на основании закона.

Медиатор назначает место и время для разрешения спора. Медиация осуществляется в Австралии. Присутствие сторон является обязательным, под угрозой штрафных санкций. Каждая из сторон спора вправе принимать участие в процедуре медиации через представителя.

Медиация прекращается по истечении 30 дней или если спор не был разрешен. Медиатор может прекратить процедуру в любое время, если не считает, что разрешение спора является неизбежным. Медиация может быть прекращена по заявлению одной из сторон.

При прекращении медиации, медиатор выдает сертификат сторонам и посредническому совету, в котором указывается наименование сторон, характер спора, окончание медиации и неурегулированность спора.

Расходы за урегулирование спора в рамках медиации, возлагаются на стороны равным образом, которые включают в себя: стоимость услуг медиатора, арендную плату, иные суммы, согласованные сторонами в качестве необходимых для проведения медиации (например, заключение экспертов).

Обобщая вышесказанное, можно сделать сказать, что Кодекс поведения по франчайзингу включает в себя три основных раздела: 1) рас-

крытие соответствующей информации о франчайзере; 2) условия, содержащиеся в договоре о франшизе, и 3) процедуры рассмотрения жалоб и разрешения споров.

Australian Competition and Consumer Commission (далее — АССС) — это Австралийская комиссия по конкуренции и защите прав потребителей, которая является независимым органом правительства Австралии. Основной ее задачей является защита прав потребителей, прав и обязанностей предпринимателей, регулирование отраслей экономики, мониторинг цен, а также предотвращение незаконного антиконкурентного поведения. АССС также предоставляет информацию предпринимателям, заключающим, продляющим или возобновляющим договор франшизы.

АССС обеспечивает соблюдение Закона о конкуренции и защите прав потребителей и Кодекса поведения по франчайзингу, который вправе возбуждать дела в Федеральном суде Австралии по защите конкуренции и прав потребителей. За нарушение законодательства о конкуренции и защите прав потребителей предусмотрена административная ответственность в виде штрафа. Некоторые составы правонарушений могут быть квалифицированы как уголовные преступления и предусматривать ответственность до десяти лет лишения свободы. Например, составами преступления являются заключение договора, содержащего положение о картеле (ст. 44ZZRF), а также приведение в действие положение о картеле (ст. 44ZZRG)

АССС имеет право обеспечивать от своего имени судебные решения в соответствии со ст. 87В Закона о конкуренции и защите прав потребителей, которые включают в себя широкий спектр средств защиты от неправомерного поведения.

При выявлении нарушения, АССС выдает одно или несколько уведомлений о нарушении законодательства с указанием штрафных санкций, в течении двенадцать месяцев с момента выявления нарушения. Лицо, получившее такое уведомление не имеет никаких юридических

обязательств по оплате штрафа. Однако в дальнейшем АССС вправе обратиться в суд с требованием о привлечении виновного, по его мнению, к ответственности. В некоторых случаях, уведомление о нарушении может быть обеспечено дополнительными средствами правовой защиты, в том числе посредством судебных решений. Например, если требуется опровержение, достоверная реклама или возмещение ущерба потребителю. АССС без выдачи уведомления о нарушении вправе сразу обратиться в суд, если нарушения носят существенный характер, причинен значительный ущерб, длительность нарушения, неоднократность нарушения и в других случаях.

При выдаче уведомления о нарушении АССС предоставляет информацию о характере нарушения, сумме штрафа, периоде его платежа и правовые последствия неисполнения уведомления. Период оплаты штрафа составляет 28 дней и может быть продлен еще на такой же срок. Продлевая срок оплаты штрафа, получатель уведомления обязан сообщить АССС намерен ли он оплатить штраф, обстоятельства, препятствующие оплате штрафа в срок и причины выполнения обязательства в новый срок. Следует учитывать, что оплата штрафа не лишает права иных лиц на обращения в суд за защитой своих права. АССС, в соответствии с принципом прозрачности своей деятельности, ведет реестр на своём официальном сайте оплаченных уведомлений о нарушениях. Получатель уведомления вправе требовать отзыва уведомления о нарушении, в случае если он не является субъектом правонарушения.

В случае судебного разбирательства нарушения законодательства Австралии, судом может быть наложен штраф значительно выше, чем в уведомлении, выданного АССС [7].

Наделение АССС полномочием выдачи уведомления о нарушении является одним из инструментов правоприменения и позволяет своевременно и эффективно разрешать споры без судебного разбирательства.

Библиографический список

1. Harper D. Online Etymology Dictionary. 2001–2019. //www.etymonline.com/word/franchise.
2. Franchising Code of Conduct, 30.10.2014, Act № 168. Federal Register of Legislation — Australian Government. // www.legislation.gov.au/Details/F2014L01472.
3. Competition and Consumer Act 2010. Act № 2. (Includes amendments up to: 31.10.2017, Act № 116). Federal Register of Legislation — Australian Government. // www.legislation.gov.au/Series/C2004A00109.

4. Fair Work Act, 2009, 07.04.2009, Act № 28. (Includes amendments up to: 12.12.2018, Act № 170). Federal Register of Legislation – Australian Government. // HYPERLINK «<http://www.legislation.gov.au/Details/C2018C00512>».
5. Australian Securities and Investments Commission Act, 28.06.2001, Act № 51. (Includes amendments up to: 26.10.2018, Act № 132). Federal Register of Legislation – Australian Government. // HYPERLINK «<http://www.legislation.gov.au/Details/C2018C00438>».
6. Income Tax Assessment Act, 17.04.1997, Act № 38. (Includes amendments up to: 12.10.2017, Act № 108). Federal Register of Legislation – Australian Government. // HYPERLINK «<https://www.legislation.gov.au/Details/C2017C00336>».
7. Compliance and Enforcement Policy and Priorities. ACCC. 26.02.2019. // <https://www.accc.gov.au/publications/compliance-and-enforcement-policy>.

ЭКОНОМИКА. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

**ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ
НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ**

ПРАВОВОЕ ПОЛЕ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ПАРТНЕРСКИМИ ОТНОШЕНИЯМИ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА

© 2019 Зельднер Алексей Григорьевич

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник

Институт экономики Российской академии наук

117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32

E-mail: tzeldner@gmail.com

В статье рассматривается состояние правовой базы государственно-частного партнерства в связи с принятием введенного с 01.01.2016 г. ФЗ-224 «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в РФ ...». В статье вносятся предложения по корректировке отдельных норм права закона, которая позволит расширить круг возможностей привлечения частных инвестиций в российскую экономику посредством механизма государственно-частного партнерства.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, право, инвестиции, социально-экономическое развитие.

Важнейшим направлением социально-экономического развития на ближайшие годы выступает реализация двенадцати национальных проектов. Подчеркивая именно их национальный статус, президент страны В. Путин, выступая с посланием Федеральному собранию, отметил: «Наши проекты развития — не федеральные и тем более не ведомственные. Они именно национальные» [1]. Правительство определило объем финансирования национальных проектов на период с 2019 г. по 2024 г. в размере 25,7 трлн. руб. [2]. Самым инвестиционно емким выступает модернизация инфраструктуры: в следующие шесть лет федеральный бюджет потратит на него свыше 3 трлн. руб., еще 3,3 трлн. руб. придется на внебюджетные источники и регионы (58,7 млрд. руб.). За счет этих средств правительство собирается осуществить развитие транспортных коридоров «Запад-Восток» и «Север-Юг», а также повышение уровня экономической связанности в России. В итоге развитие инфраструктуры станет самым дорогим из Национальных проектов, на реализацию которого придется четверть общих расходов на нацпроекты [3].

В протоколе заседания Совета при президенте по стратегическому развитию и национальным проектам подчеркивается, что важнейшим партнером государства при их реализации выступает частный бизнес [4]. И в этом плане актуализируется проблема институционального (правового) обеспечения взаимовыгодных партнерских отношений государства и бизнеса с использованием механизма государственно-частного партнерства.

Активному использованию партнерских отношений государства и бизнеса долгое время мешала нерешенность многих правовых проблем, сдерживавших введение механизмов, обеспечивающих установление паритетных отношений между субъектами партнерских отношений. В России медленно решался вопрос о принятии закона о государственно-частном партнерстве. В 2005 г. принимается Закон № 115 «О концессионных соглашениях». В том же году принимается Закон «Об особых экономических зонах Российской Федерации». И только спустя десять лет принимается Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерства в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ).

Принятие этого закона — серьезное достижение России в легализации в правовом поле экономических отношений государства и частного бизнеса, способствующее решению стратегических задач российской экономики. В Законе (статья 3) подробно раскрывается сущность ГЧП. «Государственно-частное партнерство, муниципально-частное партнерство — юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашений... заключенных в соответствии с Федеральным законом в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения

органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества» [5]. Закон № 224 от 13.07.15 — это закон прямого действия при заключении и реализации проектов ГЧП, МЧП и не нуждается в соответствующих региональных и муниципальных законодательных актах. В статье 3, п.3 отмечается, что соглашение о государственно-частном партнерстве, соглашение о муниципально-частном партнерстве (далее также — соглашение) — это гражданско-правовой договор между публичным партнером и частным партнером, заключенный на срок не менее чем три года в порядке и на условиях, которые установлены настоящим Федеральным законом (ФЗ-224).

Закон достаточно полно определяет общее направление развития правовых основ в сфере ГЧП на всех уровнях: федеральном, региональном и муниципальном. Дана единая терминология и общие условия заключения соглашений о ГЧП для всех субъектов исполнительной власти. В Законе обеспечена гарантия прав и законных интересов партнеров, возникает право собственности у частного партнера на объект партнерского соглашения. Появляется возможность заключения соглашений о ГЧП по предложению частного партнера. Принятие Закона 224-ФЗ — серьезное достижение России в расширении внедрения механизмов государственно- и муниципально-частного партнерства в систему управления экономическим развитием России. Учитывая напряженность федерального, региональных и муниципальных бюджетов, Закон о ГЧП может обеспечить существенный приток частного капитала и улучшение социально-экономических показателей России. Однако для повышения роли Закона о ГЧП в решении инфраструктурных проблем следовало бы дополнить его рядом правоприменительных актов, уточняющих и расширяющих целый ряд позиций партнерских отношений. Рассмотрим их более подробно.

Целью Федерального закона № 224 выступает «создание правовых условий для привлечения инвестиций в экономику РФ». В принципах, изложенных в Федеральном законе 224 (ст.4), перечислены такие как «обеспечение конкуренции», а также «отсутствие дискриминации, равноправие сторон соглашения и равенство их перед законом». В то же время, в статье 5 этого закона вводится ограничение на участие в со-

глашениях о ГЧП на стороне частного партнера ряда юридических лиц, приводится достаточно обширный перечень юридических лиц, которые не могут быть частными партнерами, среди них государственные и муниципальные унитарные предприятия, некоммерческие организации, публично-правовые компании, хозяйственные товарищества и общества, контролируемые государством.

Ограничения на участие в ГЧП на стороне частного партнерства хозяйственных обществ, предприятий, находящихся под юрисдикцией государства, а также некоммерческих организаций, к которым относятся все государственные корпорации, не только ограничивают возможность их участия в инфраструктурных проектах, но и противоречат Гражданскому кодексу РФ, ограничивая их деятельность. В сложившихся условиях, связанных с реализацией Национальных проектов (2019–2024 гг.), целесообразно пересмотреть реестр хозяйственных обществ с государственным участием для их активного участия в реализации проектов на базе использования механизма ГЧП.

Отметим в связи с этим и правовые особенности госкорпораций. В соответствии с законом «О некоммерческих организациях», к которым отнесены госкорпорации, имущество, переданное им государством, становится собственностью госкорпорации. Собственность некоммерческих организаций (НКО) обладает спецификой как относительно частной собственности, так и относительно собственности государственной. Специфика собственности НКО состоит в предоставлении субъекту хозяйствования более широких полномочий по распоряжению имуществом. «В частности, по сравнению с унитарными предприятиями, функционирующими на основе права хозяйственного ведения, не наделенными в отличие от некоммерческих организаций полномочиями отчуждения или сдачи в аренду недвижимого имущества без согласия государства, а также правом распоряжения всей полученной прибылью. Для НКО эти ограничения снимаются» [6]. Следует иметь в виду, что федеральные законы о создании госкорпораций — это основной законодательный акт, регулирующий их деятельность, они предоставляют данной конкретной форме НКО дополнительные, более существенные привилегии, нейтрализующие ограничения экономической свободы, имеющие место в отношении других форм некоммерче-

ских организаций. И это дает им возможность активно участвовать в проектах ГЧП.

В Законе о ГЧП подчеркивается возрастающая роль муниципалитетов в реализации соответствующей их юрисдикции проектов ГЧП, и не случайно Федеральный закон № 224 в своем названии включает словосочетание «муниципально-частное партнерство», для которого конкретизирована специфика партнерских отношений. В статье 18 «Полномочия муниципальных образований в сфере муниципально-частного партнерства» главу муниципального образования в пп. 1–2 наделяют полномочиями координации деятельности и «согласования публичному партнеру конкурсной документации для проведения конкурсов на право заключения соглашений о муниципально-частном партнерстве». Казалось бы, все правовые вопросы полномочий муниципалитетов соблюдены. Но в этой же статье в п.3 ст. 18 224-ФЗ даются следующие наставления: «Глава муниципального образования направляет в орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации, определенный высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации, проект муниципально-частного партнерства для проведения оценки эффективности проекта и определения его сравнительного преимущества...» [7]. Следует согласиться с мнением о том, что «неясно, о какой процедуре здесь идет речь: об уведомительной, экспертно-оценочной или разрешительной? Может ли исполнительный орган власти субъекта Федерации наложить «вето» на тот или иной проект МЧП? Да и вообще, насколько такая практика соответствует конституционному праву муниципалитетов» [8]. Да и в самом 224-ФЗ важнейшим принципом ГЧП названа свобода заключения соглашений (ст.4 п. 6).

Представляется, что ФЗ-224 недоучитывает конституциональное право органов муниципальной власти, нарушая установленные для них Конституцией полномочия. В Конституции РФ ст. 11 п. 2 отмечается, что «государственную власть в субъектах РФ осуществляют образуемые ими органы государственной власти». А в ст. 12 подчеркивается: «Местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему государственной власти» [9]

В принципах ГЧП четко обозначено положение о «справедливом распределении рисков и обязательств между сторонами соглашения»

(ст. 4 п.5). В соглашении определены порядок и сроки возмещения расходов сторон, но способы исполнения подробно раскрыты только по «обеспечению исполнения частным партнером обязательств по соглашению (предоставление банком или иной кредитной организацией независимой гарантии (банковской гарантии), передача публичному партнеру в залог прав частного партнера по договору банковского счета, страхование риска ответственности частного партнера за нарушение обязательств по соглашению), размеры предоставляемого финансового обеспечения и срок, на который оно предоставляется». Что же касается обязательств публичного партнера, то «в случае досрочного прекращения соглашения, содержащего обязательство частного партнера по передаче публичному партнеру в собственность объекта соглашения, находящегося в собственности частного партнера, объект соглашения подлежит передаче частным партнером публичному партнеру при условии компенсации осуществленных в соответствии с соглашением затрат частного партнера, которая уменьшена на сумму убытков, причиненных публичному партнеру и третьим лицам таким досрочным прекращением (ст. 13 п. 9)» [7].

Неоднозначно смотрится в ФЗ-224 и новелла о том, что положения Закона о ГЧП и МЧП не распространяются на Закон «О концессионных соглашениях» (ФЗ-115 от 21.07.2015). В статье 2 п.2 ФЗ-224 отмечается, что «отношения, возникающие в связи с подготовкой, заключением, исполнением и прекращением концессионных соглашений, с установлением гарантий прав и законных интересов сторон концессионного соглашения, регулируются Федеральным законом от 21 июля 2005 года № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях».

Справедливости ради следует отметить, что до появления Закона 224-ФЗ, введенного с 1.01.2016 г. основной законодательно признанной формой государственно-частного партнерства в России были концессионные соглашения. Принятый закон о ГЧП в большей мере защищает частного инвестора, а также предусматривает передачу объекта партнерских соглашений в частную собственность. В концессионном соглашении сохранялись более существенные риски с возвратом частных инвестиций. Имеются и другие различия.

Учитывая, что в силу своего монопольного положения «концессии играют доминирующую

роль в ГЧП. На них приходится более 80% общего числа проектов ГЧП и 73% их стоимости. Самые капиталоемкие проекты в сферах энергетики, транспорта осуществляются именно на условиях концессий» [10], было бы целесообразно унифицировать в этих двух законах наиболее прогрессивные положения и жестко не делить их по объектам соглашения.

Следует также обратить внимание на ограничения в подходах к использованию в соглашениях возможностей иностранных физических или юридических лиц (ст. 5 п. 10). Речь идет о технических средствах обеспечения функционирования объектов информационных технологий (ст. 7 п. 19). «Ограничения для иностранных партнеров, участвующих в проектах ГЧП, — скорее, следствие общей кампании по импортозамещению, чем логика здравого смысла. Кроме того, что это противоречит мировой практике, мы лишаемся не только инвестиций, но и новейших технологий, что для современного этапа развития России исключительно актуально» [11].

В Федеральном законе 224 дан подробный перечень объектов соглашений. При этом объектом соглашения может быть только имущество, в отношении которого не установлена принадлежность к государственной или муниципаль-

ной собственности, либо имеется запрет на отчуждение в частную собственность. Однако ряд объектов в этот перечень не попали. 224-ФЗ при перечне объектов соглашений о ГЧП и МЧП не включены такие инфраструктурные объекты массового распространения как коммунальное хозяйство, включающее теплоснабжение, водоснабжение, газификацию сел и др.

Принятие ФЗ-224 — это большой прорыв в системе управления социально-экономическим развитием страны. Грамотное использование закона позволит в значительной степени легализовать (при соответствующих гарантиях) и привлечь частный капитал в реализацию инфраструктурных проектов.

Оценивая принятый Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации...» № 224 и вступивший в силу с 1.01.2016 г. как существенное продвижение в обеспечении правового статуса ГЧП, следует учитывать, что это рамочный закон, требующий глубокой проработки подзаконной нормативной базы, учитывающей специализацию объектов соглашений. Это обеспечит существенную эффективность его применения.

Библиографический список

1. Российская газета. 21.02.2019.
2. <https://mail-attachment.googleusercontent.com/attachment/u/0/?view=att&th=168f136b914a51b3&attid=0.5&disp=vah&safe=1&zw&sadbat=AN>
3. <https://www.rbc.ru/economics/19/02/2019/5c6ac3339a79471423e559c7>
4. <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5bdd94b19a79477095bcdbcf?from...>
5. Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ. Российская газета. 17.07.2015.
6. Сильвестров С., Зельднер А. Госкорпорации в экономике России. М. ИЭ РАН. 2008. С. 8–9.
7. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=303642&fld=134&dst=00000001,0&rnd=0,2559285283885451#0634536...>
8. Бухвальд Е. М. Муниципально-частное партнерство. Новый этап. Ж. Самоуправление. 2015. № 7–8. С. 16.
9. Конституция Российской Федерации. М. Ось-89. 2001. С. 6
10. Варнавский В. и др. Основы государственно-частного партнерства (теория, методология, практика). М. Анкил. 2015. С. 63
11. Зельднер А. Г. Национальная модель социально-рыночного развития России на базе смешанной экономики и механизма государственно-частного партнерства. М. Анкил. 2017. С. 75
12. Зельднер А. Г., Осипов В. С. Системные дисфункции государственного управления: институциональный подход // Экономика и предпринимательство. 2015. № 8–2 (61–2). С. 127–131
13. Панова Т. В. Становление государственно-частного партнерства в России: содержание и формы // Экономические науки. 2014. № 115. С. 22–25.

ИННОВАЦИОННАЯ ИНФРАСТРУКТУРА ИНВЕСТИЦИОННОЙ МОДЕЛИ (ФИНАНСОВЫЕ, ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ, ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ) *

© 2019 Терехова Елена Владиславовна

кандидат юридических наук

Российский государственный университет правосудия

117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69

E-mail: Ter_finlaw@mail.ru

Данная статья посвящена исследованию понятия и сущностной характеристики инновационной инфраструктуры. В статье анализируются финансовые, организационно-правовые, институциональные аспекты элементов инновационной инфраструктуры с учетом теоретико-практического анализа.

Ключевые слова: инновационная инфраструктура, инвестиционная модель, институты развития, венчурное финансирование, инвестиционное товарищество, краудфандинг.

В настоящий момент основным приоритетом инвестиционной политики государства является становление инновационных и информационных отраслей и формирования нового технологического облика государства с учетом развития научной составляющей страны.

Важное значение в политике приоритетов по переходу всей экономики на инновационную модель занимает отраслевое развитие, высокотехнологичный комплекс экономики (ВТК).

ВТК следует рассматривать как взаимосвязанную совокупность производственных, научных, образовательных, управленческих, инфраструктурных, социальных структур, обеспечивающих инновационную направленность экономической трансформации России за счет воспроизводства технико-технологических инноваций. В целях эффективного развития и обеспечения непрерывности научно инновационно-производственного цикла ВТК следует создать инфраструктурные условия.

Актуальным направлением остается совершенствование институциональных условий и форм организации научно-инновационного процесса, в частности развитие сетевых форм. Одним из сетевых инструментов развития экономики выступают технологические платформы (ТП).

Кроме того, следует ориентироваться на органическое взаимодействие общенациональных технологических платформ (ТП) с территориальными (высокотехнологическими и наукоем-

кими) кластерами как одним из перспективных механизмов организации технологического инвестиционного ресурса страны.

Огромная роль в поддержке и развитии инновационной деятельности отводится институтам развития, функционирующим на федеральном и региональном уровнях. Институты развития стимулируют привлечение частных инвестиций в приоритетные отрасли экономики и позволяют создать условия для формирования инновационной инфраструктуры, обеспечивающей доступ предпринимателей, функционирующих в приоритетных сферах, к необходимым финансовым и информационным ресурсам. К наиболее крупным институтам развития можно отнести государственные корпорации «Внешэкономбанк» — Банк развития, ОАО «Роснано», ОАО «Российская венчурная компания», Фонд развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий (Сколково), Фонд развития промышленности, Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере.

Институты развития оказывают поддержку через финансирование бизнес-проектов, оказание инфраструктурной поддержки, а также софинансирование НИОКР.

Процесс реализации инвестиционных проектов институтами развития должен характеризоваться комплексностью, системностью, последовательностью при планировании и развитии конкретного сектора экономической деятельно-

* ВАК 12.00.01, 12.00.04

сти. При этом в рамках планирования указанного процесса необходимо встраивать новые формы и методы финансирования инвестиционной деятельности (например, проектное и венчурное финансирование).

В целях повышения эффективности реализации направлений инвестиционной политики, автор предлагает внедрить типовую инвестиционную модель. Инвестиционная модель строится с учетом таких подсистем как: инновационно — институциональная (технологические платформы, технопарки, инновационно-технологические центры, инкубаторы, центры трансфера технологий и др.); кредитно-финансовая (объединяющая бюджетные, венчурные, инвестиционные фонды, фондовый рынок, другие институты); подсистема государственной поддержки инновационной деятельности (законодательная база, налоговые, таможенные льготы и преференции, нормы и стандарты, иные меры) [1].

Применительно комплексного исследования (анализа) инвестиционной модели важное значение приобретает сущностная характеристика инновационной инфраструктуры. В этой связи рассмотрим несколько подходов к трактовке понятия «инновационная инфраструктура».

В рамках первого подхода инновационная инфраструктура определяется как совокупность организаций, обслуживающих инновационный процесс. В качестве примера можно привести следующие определения:

Инновационная инфраструктура — совокупность организаций, обслуживающих и обеспечивающих инновационную деятельность предприятий и отдельных инноваторов [2].

Инновационная инфраструктура — комплекс взаимосвязанных структур, обслуживающих и обеспечивающих реализацию инновационной деятельности. В Российской Федерации инновационную инфраструктуру составляют: инновационно-технологические центры, технологические инкубаторы, технопарки, учебно-деловые центры и др. [3].

Инновационная инфраструктура — организации, способствующие осуществлению инновационной деятельности (инновационно-технологические центры, технологические инкубаторы, технопарки, учебно-деловые центры и др. специализированные организации) [4].

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 23 августа 1996 г. N127-ФЗ «О науке и го-

сударственной научно-технической политике» инновационная инфраструктура — совокупность организаций, способствующих реализации инновационных проектов, включая предоставление управленческих, материально-технических, финансовых, информационных, кадровых, консультационных и организационных услуг. [5].

В Концепции инновационной политики Российской Федерации к инновационной инфраструктуре относят такие организации: инновационно-технологические центры, технологические инкубаторы, технопарки, учебно-деловые центры и другие специализированные организации [6].

Среди определений данного подхода выделяется ряд таких, в которых ученые рассматривают инновационную инфраструктуру как совокупность объектов, способствующих инновационному развитию либо на всех стадиях инновационного процесса, либо делают упор на какой-либо отдельный его этап [7].

Например, А.А. Солдатов предлагает рассматривать инновационную инфраструктуру как весь необходимый спектр государственных и частных структур, обеспечивающих развитие и поддержание всех стадий инновационного развития [8].

В определении Н.З. Мазур и М.П. Левиной также представлен весь цикл инновационного процесса: «Инновационная инфраструктура — это информационные, организационные, маркетинговые, образовательные и другие сети, которые помогают новой идее добираться до своей практической реализации и находить своего потребителя» [9].

Множество авторов выделяет различные подсистемы инновационной инфраструктуры. Самым распространенным является деление всего многообразия организаций, способствующих развитию инновационной деятельности, на 5 подсистем (блоков): финансовая — наличие развитой финансовой инфраструктуры является одним из важнейших условий привлечения инвестиций в инновационную деятельность и их эффективного использования; производственно-технологическая — является экспериментальной и опытной базой исследований; информационная — базы данных и знаний и центры доступа, а также аналитические, статистические, информационные и т.п. центры; кадровая — кадровая инфраструктура обеспечивает инновационную деятельность специальными знаниями и

идеями; экспертно-консалтинговая — организации, занятые оказанием услуг по проблемам интеллектуальной собственности, стандартизации, сертификации, а также центры консалтинга.

Кроме вышеперечисленных подсистем, некоторые авторы выделяют и другие подсистемы. Так, А.Е. Матюхов, дополнительно в рамках экспертно-консалтинговой подсистемы, выделяет сбытовую подсистему [10].

С.В. Терехова объединяет информационную и экспертно-консалтинговую подсистемы в информационно-маркетинговую [11].

Е.В. Иода, В.В. Подколзин и И.А. Кутеев добавляют в указанный перечень правовую подсистему [12].

Большинство авторов рассматривают отдельно элементы инновационной инфраструктуры, выделяя в них ресурсы, функции, субъекты. И лишь некоторая часть авторов предлагает целостный подход к рассмотрению разрозненных объектов инфраструктуры как системы взаимосвязанных элементов (например, Е.А. Чистякова, Н.О. Монастырный).

Таким образом, следует отметить, что большинство авторов под инновационной инфраструктурой понимают *совокупность организаций, участвующих в обеспечении инновационного процесса*. При этом многие ограничивают перечень этих организаций технопарками, технологическими центрами, технологическими инкубаторами, т.е. сводя инновационную инфраструктуру только к технологической подсистеме, в то время как *сеть организаций, обслуживающих процесс создания наукоемкой продукции, гораздо шире и включает организации финансовой, информационной, правовой и других сфер*.

Учитывая специфический и разнообразный характер инвестиционной деятельности применительно коллективного инвестирования в инновационной сфере, было необходимо создание в российском праве специальной разновидности договора простого товарищества (договора о совместной деятельности) — инвестиционного товарищества — договора, заключаемого исключительно для совместного (коллективного) осуществления инвестиционной деятельности.

С 1 января 2012 года вступил в силу федеральный закон от 28 ноября 2011 г. №335-ФЗ «Об инвестиционном товариществе» (далее — Федеральный закон об инвестиционном товариществе) [13]. Предметом правового регулирования закона являются отношения, возникающие в

связи с заключением, исполнением и прекращением специальной разновидности договора простого товарищества — инвестиционного товарищества, на основе которого могут объединяться средства нескольких инвесторов и/или организационно-управленческие и предпринимательские усилия для реализации бизнес-проектов, прежде всего в сфере инновационной экономики.

Наиболее близким аналогом распространенной за рубежом формы коллективного инвестирования *limited partnership* (ограниченное партнерство) в российском праве является товарищество на вере (командитное товарищество), которое предоставляет своим участникам (полным товарищам и командитистам) различный объем прав и тем самым приближает характер деятельности такого товарищества к инвестиционным правоотношениям.

В соответствии со статьей 82 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) товариществом на вере (командитным товариществом) признается товарищество, в котором наряду с участниками, осуществляющими от имени товарищества предпринимательскую деятельность и отвечающими по обязательствам товарищества своим имуществом (полными товарищами), имеются один или несколько участников-вкладчиков (командитистов), которые несут риск убытков, связанных с деятельностью товарищества, в пределах сумм внесенных ими вкладов и не принимают участия в осуществлении товариществом предпринимательской деятельности [14].

Второй правовой формой, получившей некоторое распространение в качестве института коллективного инвестирования в Российской Федерации, в том числе в венчурной сфере, является договор простого товарищества (договор о совместной деятельности). Согласно данному договору, двое или несколько лиц (товарищей) обязуются соединить свои вклады и совместно действовать без образования юридического лица для извлечения прибыли или достижения иной не противоречащей закону цели.

Основным преимуществом договора о совместной деятельности является отсутствие двойного налогообложения, что обусловлено договорной природой товарищества, которое не является юридическим лицом. К иным достоинствам данной формы относятся: законодательно не ограниченные возможности по определению

видов и размеров вкладов, определению доли участия в общем имуществе и порядка распределения прибыли и убытков, по структурированию и управлению деятельностью простого товарищества; допустимость поэтапного внесения вкладов (commitments); минимальные, контролируемые товарищами издержки, связанные с обеспечением деятельности простого товарищества.

Несмотря на это, нормы главы 55 ГК РФ о простом товариществе (договоре о совместной деятельности) не в полной мере адаптированы к нуждам реализации бизнес-проектов в инновационной сфере и запросам инвесторов [15].

Так, ключевым недостатком конструкции договора простого товарищества следует признать установленную в пункте 2 статьи 1047 ГК РФ солидарную ответственность всех товарищей по всем общим обязательствам независимо от оснований их возникновения. Такая ситуация не соответствует интересам потенциальных инвесторов, которые в связи с данным правовым регулированием договора простого товарищества вынуждены принимать на себя не только инвестиционные, но и повышенные предпринимательские риски (пункт 1 статьи 2 ГК РФ).

Существуют серьезные ограничения на субъектный состав договора простого товарищества, заключаемого для предпринимательских целей. Так, согласно статье 1041 ГК РФ сторонами договора простого товарищества, заключаемого для осуществления предпринимательской деятельности, могут быть только индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации. Императивный характер данного положения исключает из числа возможных участников инвестиционного процесса в данной организационно-правовой форме практически все государственные институты развития, поскольку большинство из них существуют в формах некоммерческих организаций (например, государственная корпорация), а также пенсионные фонды, которые в международной практике традиционно выступают основными институциональными инвесторами в венчурной среде.

Вернемся к договору о совместной деятельности — договору, заключаемый исключительно для совместного (коллективного) осуществления инвестиционной деятельности.

Основными признаками данного договора являются: объединение лиц, добровольный характер такого объединения, наличие у участни-

ков общей цели, объединение вкладов, совместные действия участников [16].

Необходимо отметить, что в науке под совместной деятельностью понимается объединение имущества и действий товарищей для достижения общей для всех участников цели. Термин «совместная деятельность» используется для характеристики не вида, а рода договоров, совместная деятельность и общая цель являются единственными признаками, объединяющими указанные договоры в одну группу. Наряду с договором простого товарищества к договорам о совместной деятельности относят различные соглашения акционеров, посвященные вопросам согласованного голосования, порядку отчуждения акций, инвестиционные договоры, договоры о совместной деятельности без внесения вкладов и т.д.

Для инвестиционного товарищества определяющим признаком является объединение вкладов для достижения общей цели (инвестирование), деятельность от имени всех товарищей осуществляет один или несколько из них — управляющие товарищи. Договор инвестиционного товарищества не создает юридического лица, а имеет своей целью иную, общую для всех товарищей хозяйственную цель — инвестирование в различные объекты в целях реализации инвестиционных, в том числе инновационных, проектов.

Содержащееся в законодательстве определение договора о совместной деятельности (договора простого товарищества) позволяет утверждать, что основным признаком данного договора является общая для его участников цель договора. Именно общая цель является признаком, обособляющим этот вид договора. Наличие общей цели — неперемное условие для квалификации договора как договора о совместной деятельности. Очевидно, что, если в договоре не содержится указание на общую цель и невозможно ее установить путем толкования договора в порядке статьи 431 ГК РФ («Толкование договора»), такой договор не может быть признан договором о совместной деятельности. Общая цель, безусловно, является существенным условием договора о совместной деятельности.

Договор о совместной деятельности, не содержащий указание цели, следует считать незаключенным. Так, кассационная инстанция (Постановление по делу № А63–492/97–С1 АС СС)

признала договор о совместной деятельности незаключенным, поскольку в нем отсутствовали существенные условия, определяющие совместную деятельность с целью извлечения прибыли, и не было представлено доказательств фактического осуществления совместной хозяйственной деятельности [17].

Необходимо отметить, что Федеральный закон об инвестиционном товариществе не раскрывает понятие «объекты инвестирования». Однако в части 5 статьи 7 Федерального закона об инвестиционном товариществе указано, что управляющий товарищ за счет общего имущества товарищей вправе приобретать и отчуждать: ценные бумаги российских эмитентов, ценные бумаги иностранных эмитентов, иные финансовые инструменты; акции (доли, паи) в уставных (складочных) капиталах российских организаций и иностранных организаций; инвестиционные паи паевых инвестиционных фондов; доли в праве собственности на общее имущество товарищей.

Принятие Федерального закона об инвестиционном товариществе было связано с отсутствием в российском законодательстве приемлемых для инвестиционного сообщества договорных организационно-правовых форм осуществления коллективной инвестиционной деятельности, учитывающей особенности реализации венчурных (особо рискованных) бизнес-проектов.

Существует множество определений венчурного финансирования, но все они так или иначе сводятся к его функциональной задаче — способствовать росту конкретного бизнеса путем предоставления определенной суммы денежных средств в обмен на долю в уставном капитале или некий пакет акций. Таким образом, создаваемое в рамках закона инвестиционное товарищество представляет собой венчурный фонд.

Цель венчурного инвестора состоит в следующем: приобретая пакет акций или долю меньшую, чем контрольный пакет (minority position или stake), инвестор рассчитывает, что менеджмент компании будет использовать его деньги в качестве финансового рычага (financial leverage) для того, чтобы обеспечить более быстрый рост и развитие своего бизнеса. Ни инвестор, ни его представители не берут на себя никакого иного риска (технического, рыночного, управленческого, ценового и пр.), за исключением финансового. Все перечисленные риски несет на себе компания и ее менеджеры (joint venture).

При этом еще одним предпочтением венчурного инвестора является принадлежность контрольного пакета менеджерам компании. Имея у себя контрольный пакет, они сохраняют все стимулы для активного участия в развитии бизнеса [18].

Распространенными организационно-юридическими формами для венчурных институтов являются англо-американская модель партнерства с ограниченной ответственностью (Limited Liability Partnership) и континентальная модель параллельного инвестирования, во многом схожая с формой партнерства с ограниченной ответственностью, распространенная в странах Бенилюкса (CV - commanditaire vennootschap) [19].

Федеральный закон об инвестиционном товариществе был разработан с учетом анализа и адаптации к российской континентальной системе права Единообразного закона США о партнерстве с ограниченной ответственностью (Uniform Partnership Act Ch.614 Limited Liability Partnerships), Закона Великобритании о партнерстве с ограниченной ответственностью 1907 г., Закона о совместных фондах развития (Pooled Development Funds Act) (Австралия, 1992 г.).

Наряду с новыми организационными формами юридических лиц в число элементов инновационной инфраструктуры входит институт краудфандинга.

Краудфандинг (англ. crowdfunding — «народное финансирование», «crowd» — букв. «толпа») — способ коллективного финансирования, основанный на добровольных взносах. Современная модель краудфандинга подразумевает взаимодействие автора-инициатора, который предлагает идею или проект для финансирования, краудфандинговой площадки (или платформы) — специализированного интернет-сайта для анонсирования краудфандинговых проектов и сбора средств, а также спонсоров (или доноров, бэкеров), которые поддерживают проект и получают материальное или нематериальное вознаграждение [20].

Развитие краудфандинговой деятельности предусмотрено Стратегией развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 июня 2016 г. N1083-р [21], а также планом мероприятий по направлению «Нормативное регулирование» программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Банк России в рамках поручений Президента РФ от 21 октября 2017 г. № Пр-2132 и поручения Первого заместителя Председателя Правительства РФ от 14 ноября 2017 г. № ИШ-П13-7578 опубликовал законопроект «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге)» [22].

Проект направлен на регулирование отношений по привлечению инвестиций коммерческими организациями или индивидуальными предпринимателями с использованием информационных технологий посредством инвестиционных платформ, а также определяет правовые основы деятельности операторов инвестиционных платформ по организации розничного финансирования (краудфандинга).

Присоединение к договору об оказании услуг по привлечению инвестиций или к договору об оказании услуг по содействию в инвестировании будет осуществляться при условии идентификации и аутентификации лица, намеренного стать участником инвестиционной платформы, и оформляться электронным документом, подписанным простой электронной подписью, если иной вид электронной подписи, либо иной способ присоединения к договору, не предусмотрен правилами инвестиционной платформы.

Способы вложения инвестиций посредством инвестиционной платформы ограничиваются следующим перечнем: предоставления займов; приобретения ценных бумаг; приобретения доли участника в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, доли участника в складочном капитале хозяйственного товарищества или хозяйственного партнерства; приобретения токенов инвестиционного проекта.

Инвестор, приобретая токен инвестиционного проекта, может приобрести следующие имущественные права: права (требования) из договора займа, предоставленного лицу, привлекающему инвестиции; права требовать передачи ценных бумаг при их размещении (выдаче) лицом, привлекающим инвестиции; права требовать передачи ценных бумаг и осуществления прав по этим ценным бумагам, которые выпущены лицом, привлекающим инвестиции; права требовать передачи имущества, исключительных прав на результат интеллектуальной деятельности или прав использования результата интеллектуальной деятельности; права требования выполнения работ и оказания услуг.

Проектом установлены ограничения в от-

ношении граждан, не являющихся квалифицированными инвесторами или ИП: сумма инвестиций одного инвестора, привлекаемых в один инвестиционный проект с использованием платформы, в течение календарного года не может превышать 50 тысяч рублей; общая сумма инвестиций одного инвестора, привлекаемых во все инвестиционные проекты с использованием платформ, в течение календарного года не может превышать 500 тысяч рублей.

Чтобы стать оператором инвестиционной платформы (организатором краудфандинга), необходимо: создать хозяйственное общество и быть внесенным в реестр Банка России; не быть связанным с деятельностью кредитных организаций; иметь собственный капитал в размере 5 млн. рублей; не иметь неснятых и непогашенных судимостей в сфере экономической деятельности или преступлений против власти.

Долей в 10% инвестиционной платформы и более не могут владеть иностранные юридические лица, юридические лица, лишенные лицензии за нарушения, и физические лица.

Отсутствие правового регулирования краудфандинга существенным образом затрудняет как дальнейшее развитие такой деятельности, так и идентификацию всех участников правоотношений, в связи с чем предлагаемое законопроектное регулирование краудфандинговой деятельности основывается на принципах добровольности (возможность осуществления участниками деятельности без выполнения законодательно установленных требований, но при этом без предоставления предусмотренных особых возможностей и льгот) и обеспечения баланса интересов субъектов краудфандинга, что предполагает добровольное согласие на включение в реестр операторов инвестиционных платформ.

В заключение отметим, что под инновационной инфраструктурой понимается совокупность организаций, способствующих реализации инновационных проектов, включая предоставление управленческих, материально-технических, финансовых, информационных, кадровых, консультационных и организационных услуг. В состав инновационной инфраструктуры Российской Федерации входят: институты развития, венчурные фонды, как *потенциально основной источник негосударственного финансирования инновационной деятельности*, технологические центры, технологические инкубаторы, технопарки, учебно-деловые центры и др.

Библиографический список

1. Терехова Е.В. К вопросу об инвестиционной деятельности (организационно-правовые аспекты инвестиционной модели)// Право и государство: теория и практика. 2018. № 2(158). С. 115–121.
2. Инновационная деятельность: словарь. 4-е изд., доп. / Под ред. В.И. Сулова. Новосибирск. 2016. 224 с.
3. Электронный словарь «Финам» [Электронный ресурс] — URL: [http:// www.finam.ru](http://www.finam.ru) (Дата обращения: 07.12.2017).
4. Управление инновационными проектами: учеб. пособие / под ред. В.Л. Попова. Москва. 2014. 336 с.
5. Федеральный закон от 23.08.1996 N127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» // СЗ РФ. 1996. N35. Ст. 4137.
6. Постановление Правительства РФ от 24.07.1998 N832 «О Концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998 2000 годы» // СЗ РФ. 1998. № 32. Ст. 3886.
7. Семке Ю.С. Сущность и основные элементы инновационной инфраструктуры // Вестник-экономист (электронный научный журнал). 2014. № 4. [Электронный ресурс] — URL: http://www.vseup.ru/static/articles/Semke_1.pdf (Дата обращения: 10.12.2017).
8. Солдатов А.А. Механизмы инновационного развития экономики и коммерциализации технологий // Инновационные процессы и социально-экономическое развитие. 2004. Вып. 2. С. 281–291.
9. Мазур Н.З. Инфраструктура создания и использования интеллектуальной собственности на региональном уровне / Н.З. Мазур, М.П. Левина // Инновации. 2005. № 7. С. 35–37.
10. Матюхов, А.Е. Финансовая инфраструктура инновационной деятельности: проблемы формирования в России // Финансы и кредит. 2007. № 22. С. 77–83.
11. Теребова С.В. Активизация инновационного процесса в регионе (на примере Вологодской области): дис. ... канд. эк. наук. Вологда, 2008. 212 с.
12. Иода Е.В. Роль финансовой инфраструктуры в развитии региональной инновационной системы / Иода Е.В., В.В. Подколзин, И.А. Кутеев // Вестник Тамбовского университета. 2008. № 5. С. 166–174.
13. Федеральный закон от 28.11.2011 N335-ФЗ «Об инвестиционном товариществе» // СЗ РФ. 2011. N49 (ч. 1). Ст. 7015.
14. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N51-ФЗ // СЗ РФ.1994. N32. Ст. 3301.
15. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N14-ФЗ // СЗ РФ.1996. N5. Ст. 410.
16. Щукина Е.М. Цель совместной деятельности участников как основной признак договора простого товарищества // Законодательство. 2002. N2.
17. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 05.12.1997 N Ф08–1654/97 по делу N А63–492/97-С1// «Обобщение практики по договорам простого товарищества и инвестиционным договорам за период с января 1997 года по апрель 1998 года» (подготовлено ФАС Северо-Кавказского округа).
18. О венчурном капитале и прямых инвестициях. СПб.: РАВИ, 2015.
19. Венчурное инвестирование в России (юридические аспекты). Материалы к обсуждению. СПб.: РАВИ, 2016.
20. Ильенков Д.А. Краудфандинг: модели вознаграждения участников // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2014. № 11. [Электронный ресурс]. URL: <http://ekonomika.snauka.ru/2014/11/6144> (дата обращения: 21.02.2018)
21. Распоряжение Правительства РФ от 02.06.2016 N1083-р «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года» (вместе с «Планом мероприятий («дорожной картой») по реализации Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года») // СЗ РФ. 2016. N24. Ст. 3549.
22. Проект Федерального закона N419090–7 «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге)» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 20.03.2018) // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <http://sozd.parlament.gov.ru/> по состоянию на 20.03.2018.

ECONOMIC AND LAW ISSUES

**Nº2 (128)
2019**

Editorial Council

A.P. Torshin — Candidate of Law, Deputy Chairman — State Secretary of the Bank of Russia, Chairman of the Editorial Board of the Journal “Economic and Law Issues”

E.M. Ashmarina — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Legal Support of Economic Activity of the Russian State University of Justice, Editor-in-Chief of the Journal “Economic and Law Issues”

A.G. Lisitsyn-Svetlanov — Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

V.N. Viktorov — Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Special Programs at St. Petersburg Mining University

Yu.V. Golik — Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

S.N. Silvestrov — Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Director of the Economic Policy Institute and the problems of economic security, Professor of the Department of World Economy and World Finance of the Financial University under the Government of the Russian Federation

A.V. Meshcherov — Doctor of Economics, Professor, Editor-in-Chief of the journal “Economic Sciences”

A.A. Liverovsky — Doctor of Law, Professor at the Department of Constitutional and Administrative Law of the National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg

The journal is included in the list of the Higher Accreditation Committee of The Ministry of Education and Science of Russia of the leading scientific journals and publications issued in the Russian Federation, where the main scientific results of the scientific theses for the degrees of Doctor and Candidate of Science can be found

Founder: LLC “Economic Sciences”

Address: 125057, Moscow, Chapaevskii per., 3-775

E-mail: info@law-journal.ru

WWW: <http://law-journal.ru>

The Certificate of registration of mass media

ПИ №ФЦ 77-31419 from 06.03.2008

Subscription index 70180 (Agency “Rospechat”)

ISSN 2072-5574

Issue date 28.02.2019

Format 60x84/8

Printed signatures 9.18

500 copies

Printed by “24 Print” Ltd

Editorial Board

E.M. Ashmarina — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Legal Support of Economic Activity of the Russian State University of Justice, Editor-in-Chief of the Journal “Economic and Law Issues”

O.Yu. Bakaeva — Doctor of Law, Professor of the Department of Financial, Banking and Customs Law of the Saratov State Law Academy

V.V. Bolgova — Doctor of Law, Professor, First Vice-Recto for Academic and Educational Work, Head of the Department of Theory and Philosophy of Law, Samara State University of Economics

A.A. Pavlushina — Doctor of Law, Professor, Director of the Institute of Law of Samara State University of Economics

S.A. Makhosheva — Doctor of Economics, Professor, Head of the Department “Regional Management” of the Institute of Informatics and the problems of regional management of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

A.M. Mikhailov — Doctor of Economics, Professor of Samara State University of Economics

V.V. Simonov — Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Church History, Moscow State University named after M. Lomonosov

I.A. Shulyatyev — PhD in Law, Senior Lecturer at the Department of International and European Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

A.A. Alekseev — Doctor of Economics, Professor, Director of the Center for Innovative Development, Professor of the Department of Enterprise Economics and Production Management, St. Petersburg State University of Economics

V.P. Ponka — Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Law, Process and Private International Law of the Peoples’ Friendship University of Russia

A.G. Zeldner — Doctor of Economics, Professor of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

M.F. Gus’kova — Doctor of Economics, Professor at the Institute of Paths, Construction and Structures of the Russian University of Transport (MIIT)

P.V. Pavlov — Doctor of Economics, Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Management in Economic, Ecological and Social Systems of the Southern Federal University

R.I. Khansevyarov — Doctor of Economics, Professor of Samara State University of Economics

Editor-in-Chief

E.M. Ashmarina — Doctor of Law, Professor

Editorial Secretary

V.V. Bolgova — Doctor of Law, Professor

CONTENTS

STATE AND LAW. LEGAL SCIENCE

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW; HISTORY OF DOCTRINES ABOUT LAW AND STATE

- Danilov Y.S.** The value of the category “legal interests” for the protection of property rights of authors and other right holders 73
- Kochieva O.A., Karaeva L.K.** Some problems and prospects of interaction of the parliament of the Russian Federation with the government bodies 73
- Malis Z.V.** Contract of share participation in construction and preliminary contract of real estate purchase and sale: comparative analysis 74
- Khasimova L.N., Yushchenko N.A.** Procedural features of consideration of cases on the establishment of the origin of children 74

FINANCIAL LAW; TAX LAW; FISCAL LAW

- Bakaeva O.Y., Ustinova A.V.** The main directions of the application of digital methods and technologies in the customs area: legal issues 75
- Golubitchenko M.A.** Directions of development of financial technologies as an aspect of the law-making policy of the Central Bank of the Russian Federation 76

INTERNATIONAL LAW; EUROPEAN LAW

- Musabirova D.A., Melnikova N.N.** Measures taken to support small businesses under the contract system of the Russian Federation and the United States 77
- Yushchenko N.A., Gayfutdinova R.Z., Khasimova L.N.** Legal regulation of franchising in Australia 78

ECONOMY. ECONOMIC SCIENCE

ECONOMICS AND MANAGEMENT OF NATIONAL ECONOMY

- Zeldner A.G.** Legal framework in the system of management of partnership relations between the state and business 79
- Terekhova E.V.** Innovative infrastructure of the investment model (financial, organizational and legal, institutional aspects) 79

STATE AND LAW. LEGAL SCIENCE

**THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW;
HISTORY OF DOCTRINES ABOUT LAW AND STATE**

**THE VALUE OF THE CATEGORY “LEGAL INTERESTS” FOR THE PROTECTION
OF PROPERTY RIGHTS OF AUTHORS AND OTHER RIGHT HOLDERS**© 2019 **Danilov Yuriy Sergeevich**General Director of USD Group, LLC (Moscow)
16, Olimpiysky pr-kt., p.5, Moscow, 129110, Russia
E-mail: info@usdgroup.ru

The article is devoted to the analysis of property interests of authors and other rightsholders, the development of the category “legal interests” in relation to the issues of protection and defense of their exclusive and other property rights.

The article substantiates the conclusion that the concept of “legitimate interest” carries a special semantic and regulatory burden, allowing to combine the protection of the interests of rightsholders with the possibility of the most flexible interpretation of legal norms enshrining the subjective rights and legal liability associated with such interests.

The author notes that the concept of “legal interest” can be used as a backbone when considering the issues of compensation for harm caused to authors and other rightsholders in the event of violations of their exclusive and other property rights.

Key words: work, author, copyright, related rights, copyright holder, exclusive right, copyright infringement, copyright protection, infringement of exclusive rights, information intermediary, information resources, damages, indemnification.

**SOME PROBLEMS AND PROSPECTS OF INTERACTION OF THE PARLIAMENT
OF THE RUSSIAN FEDERATION WITH THE GOVERNMENT BODIES**© 2019 **Kochieva Olesya Akhsarovna**Chairman of the Supreme Court of the Republic of South Ossetia
29,13 Communards, Tskhinval, 100001, Republic of South Ossetia
E-mail: 71dz@mail.ru© 2019 **Karaeva Lora Khazbatrovna**PhD in Jurisprudence, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Process
North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov
44–46, Vatutina street, Vladikavkaz, 362025, Russia
E-mail: m.dzagoeva1971@yandex.ru

The article is devoted to the study of modern problems and prospects of interaction of the Federal Assembly of the Russian Federation with government bodies in modern conditions. Some ways to optimize the system of separation of powers at the top level are considered, which requires a clearer definition in legislation and the development of new mechanisms for the current interaction between the Government and the State Duma. It speaks of the need to increase the responsibility of the legislative power for the state of affairs in Russia and, therefore, the need to ensure more active participation of the State Duma in monitoring the activities of government bodies.

Key words: Federal Assembly of the Russian Federation, branches of government, President of the Russian Federation, government bodies, executive power, political system.

References

1. *Baev A.* The Russian Parliament // Observer. 2009. No. 4. P. 15–22.
2. *Usanov V.E.* The separation of powers as the basis of the constitutional system and its role in the formation of parliamentarism in modern Russia // State and Law. 2015. No. 12. P. 13–22.

CONTRACT OF SHARE PARTICIPATION IN CONSTRUCTION AND PRELIMINARY CONTRACT OF REAL ESTATE PURCHASE AND SALE: COMPARATIVE ANALYSIS

© 2019 **Malis Zhanna Vyacheslavovna**

Aspirant

Russian State Academy of Intellectual Property

117279, Moscow, Miklukho-Maclay str., 55a

E-mail: 2318039@bk.ru

The article provides a comparative analysis of the contract of share participation and the preliminary contract for the sale of real estate, including that which will be created in the future. The need for a comparative analysis of these types of contracts is due to the fact that at the moment in practice there are many situations in which the contracts, called preliminary contracts for the sale of real estate, in fact is a contract of share participation in construction.

The criteria for the analysis are such grounds as: legal regulation, the type of legal relations generated, the parties to the contract, the essential conditions and others.

Key words: contract of share participation in construction, preliminary contract for the sale of real estate.

PROCEDURAL FEATURES OF CONSIDERATION OF CASES ON THE ESTABLISHMENT OF THE ORIGIN OF CHILDREN

© 2019 **Khasimova Leisan Nafisovna**

Ph.D. in Jurisprudence, Associate Professor

Chelny Institute of Kazan Federal University

423800, Republic of Tatarstan, Naberezhnye Chelny, pr. Syuyumbike, 10

E-mail: hasimov_1@mail.ru

© 2019 **Yushchenko Natalya Anatolyevna**

Ph.D. in Jurisprudence, Associate Professor

Chelny Institute of Kazan Federal University

423800, Republic of Tatarstan, Naberezhnye Chelny, pr. Syuyumbike, 10

E-mail: yushchenko31@rambler.ru

Legal regulation of relations regarding the establishment and challenge of the origin of children requires further research and improvement. An important role is played by the procedural aspect of the issue under consideration.

Based on the analysis of the current family legislation of the Russian Federation, based on the theoretical provisions on the legal regulation of establishing the origin of children, the article examines the procedural features of the consideration of cases on the establishment of the origin of children and the problems that arise.

Key words: child's origin, determination of the origin of children, judicial procedure for determining the origin of children

References

1. *Bespalov Yu.F.* The trial of paternity cases / Yu.F. Bespalov // Russian Justice. — 2000.-№ 6. — p. 27–29.
2. *Khudyakova O. Yu.* Identification of the origin of children under the laws of the Russian Federation and the United States: a comparative study: author. dis. ... Cand. Sciences / O.Y. Khudyakova; Ros.gos social.un-t. — Moscow, 2009. — 200 p.
3. *Chernykh I.I.* Features of consideration in court of cases of challenging paternity (motherhood) in the legal relations of surrogate motherhood / I. Chernykh // Laws of Russia: experience, analysis, practice. — 2017. — № 9.
4. *Corral H.F.* Filiation and assisted reproductive technology // Trabajo publicado en Revue Générale de Droit (U. de Ottawa), 2001. No 31. P. 701–729.
5. Cfr. *Rubellin-Devichi J.* Droit de la Famille. Dalloz. 1996. No 1325. P. 410.
6. Cfr. *Cirillo F.* La fecondazione artificiale eterologa de il rapporto di paternità nella filiazione legittima de in quella natural. In Rivista di Diritto Civile. 1998. Vol. 44. P. 665.
7. *Todorova V.* Recognition of parental responsibility: biological parenthood v. legal parenthood, i.e. mutual recognition of surrogacy agreements: What is the current situation in the MS? Need for EU action? Brussels, 2010. P. 10.

FINANCIAL LAW; TAX LAW; FISCAL LAW

THE MAIN DIRECTIONS OF THE APPLICATION OF DIGITAL METHODS AND TECHNOLOGIES IN THE CUSTOMS AREA: LEGAL ISSUES

© 2019 **Bakaeva Olga Yuryevna**

Doctor of Law, Professor

Professor of the Department of Finance, Banking and Customs Law

Saratov State Law Academy (SSLA)

410056, Saratov, Volskaya ul., 1

E-mail: finpravo@ssla.ru

© 2019 **Ustinova Anastasia Vasilyevna**

PhD in Law

Senior Lecturer of the Department of Finance, Banking and Customs Law

Saratov State Law Academy (SSLA)

410056, Saratov, Volskaya ul., 1

E-mail: finpravo@ssla.ru

The article discusses the legal issues of applying digital methods and technologies in customs, their importance in the activities of the customs authorities of the Russian Federation and participants of foreign economic activity.

Key words: digital methods in the customs field; digital technologies in the customs field; personal account of the participant of foreign trade activities; electronic customs; remote payment of customs duties; information security.

DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF FINANCIAL TECHNOLOGIES AS AN ASPECT OF THE LAW-MAKING POLICY OF THE CENTRAL BANK OF THE RUSSIAN FEDERATION

© 2019 **Golubitchenko Maria Alexandrovna**

PhD in Law, Senior Lecturer in the Department of Financial, Banking and Customs Law
Saratov State Law Academy
410056, Saratov, Volskaya ul., 1
E-mail: bearpaw-margo@yandex.ru

Cyber attacks and financial fraud cause enormous damage not only to the banking sector, but to the entire Russian economy. The article describes the initiative issued by the Central Bank of the Russian Federation on an initiative basis. The main directions of development of financial technologies for the period 2018–2020 as a conceptual program document in which the law-making policy of the Bank of Russia in this area is implemented. Two approaches of the legislator to the implementation of the rule-making function of the Bank of Russia are highlighted: general and special.

The tendency of the development of the rule-making function of the Bank of Russia, which is to expand the special approach to the definition of the legislative powers of the Bank of Russia, including in the field of financial technologies. A positive assessment was given of the rule-making activity of the Bank of Russia and the formation of business interaction between the regulator and the banking community in developing a mechanism for assessing the subsequent actual impact of the regulations of the Bank of Russia.

Key words: Central Bank of the Russian Federation, financial market, financial technologies, Main directions of development of financial technologies, regulations of the Bank of Russia, law-making policy of the Bank of Russia.

References

1. *Belov V.M., Zyryanova E.V., Kosov D.L.* Features of assessing the quality of regulatory legal acts. The use of an automated system for assessing the quality of regulatory legal acts // *State and Law*. — 2017. — № 10.
2. *Gnevko A.V., Makromenko V.D.* Inaction in law-making and the legislative process: a general theoretical aspect // *Leningrad legal journal*. — 2017. — № 3.
3. *Komissarov E.A.* Trends in the development of threats to information security // *Education and Science without Borders: Social and Human Sciences*, 2016. No. 3. P. 209.
4. *Litvinov D.A.* Cybercrime in the banking sector of Russia: nature, scope, consequences // *Crime in the field of information and telecommunication technologies: problems of prevention, disclosure and investigation of crimes*. Voronezh, 2017. No. 1. P. 38.
5. *Malko A.V., Mazurenko A.P.* Russian law-making policy: history and modernity: a monograph. — M.: Yurlitinform, 2014.
6. *Trofimov V.V., Samorodov V. Yu.* Realization of law-making functions as a manifestation of the culture of organization of the legal process // *Legal Paradigm*. — 2017. — V. 16. — № 4.

INTERNATIONAL LAW; EUROPEAN LAW

MEASURES TAKEN TO SUPPORT SMALL BUSINESSES UNDER THE CONTRACT SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE UNITED STATES© 2019 **Musabirova Dinara Anvarovna**

Ph.D. in Jurisprudence, Associate Professor

Chelny Institute of Kazan Federal University

423800, Republic of Tatarstan, Naberezhnye Chelny, pr. Syuyumbike, 10

E-mail: MusabirovaDinara@mail.ru

© 2019 **Melnikova Natalia Nikolaevna**

third year undergraduate

Chelny Institute of Kazan Federal University

423800, Republic of Tatarstan, Naberezhnye Chelny, pr. Syuyumbike, 10

This article is a study of the specificity of the definition of persons entitled to a mandatory share in the inheritance in the presence of a foreign element. The authors identify the difficulties in determining the grounds for recognition of persons as such, point to the existence of several diametrically opposed positions of the law enforcement officer on this issue, and suggest using a different approach in resolving such conflicts.

Key words: mandatory share in inheritance, foreign element, grounds for recognition of a person incapable of work.

References

1. Apellyacionnoe opredelenie Altajskogo kraevogo suda ot 17 iyunya 2015 g. po delu № 33–5459/2015 // SPS «Konsul'tantPlyus».
2. Apellyacionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 6 noyabrya 2014 g. po delu № 33–43571 // SPS «Konsul'tantPlyus».
3. *Barinov N.A., Blinkov O.E.* Nasledovanie v mezhdunarodnom chastnom prave i sravnitel'nom pravovedenii // Nasledstvennoe pravo. 2013. № 1. S. 36.
4. *Vojtovich E.P.* Nasledovanie obyazatel'noj doli v mezhdunarodnom chastnom prave // Nasledstvennoe pravo. 2018. № 3. S. 42.
5. Grazhdanskoe ulozhenie Germanii ot 18 avgusta 1896 g. // SPS «Konsul'tantPlyus».
6. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 20 fevralya 2006 g. № 95 «O poryadke i usloviyah priznaniya lica invalidom» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2006. № 9. St. 1018.
7. Postanovlenie Prezidiuma Moskovskogo gorodskogo suda ot 21 sentyabrya 2012 g. po delu № 44g-138 // SPS «Konsul'tantPlyus».
8. Federal'nyj zakon ot 24 noyabrya 1995 g. № 181-FZ «O social'noj zashchite invalidov v Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1995. № 48. St. 4563.
9. Chastnoe pravo. Preodolevaya ispytaniya. K 60-letiyu B.M. Gongalo / M.V. Bando, R.B. Bryuhov, N.G. Valeeva i dr. — M.: Statut, 2016. — S. 32.

LEGAL REGULATION OF FRANCHISING IN AUSTRALIA

© 2019 **Yushchenko Natalya Anatolyevna**

Ph.D. in Jurisprudence, Associate Professor

Chelny Institute of Kazan Federal University

423800, Republic of Tatarstan, Naberezhnye Chelny, PR. Syuyumbike, 10

E-mail: yushchenko31@rambler.ru

© 2019 **Gayfutdinova Rosalia Zakievna**

Ph.D. in Jurisprudence, Associate Professor

Chelny Institute of Kazan Federal University

423800, Republic of Tatarstan, Naberezhnye Chelny, PR. Syuyumbike, 10

E-mail: rozagayfutdinova@mail.ru

© 2019 **Khasimova Leisan Nafisovna**

Ph.D. in Jurisprudence, Associate Professor

Chelny Institute of Kazan Federal University

423800, Republic of Tatarstan, Naberezhnye Chelny, PR. Syuyumbike, 10

E-mail: hasimov_1@mail.ru

The article presents the system of legal regulation of franchise relations in Australia by analyzing the laws governing franchising, assesses their effectiveness. The types of legal regulation of franchising relations in the world practice are determined. The activities of the Australian Commission for Competition and Consumer Protection (ACCC) to identify and suppress violations in franchising activities.

Keywords: franchising, commercial concession, intellectual property, Australian law, Australian Competition and Consumer Commission, international private law.

References

1. Harper D. Online Etymology Dictionary. 2001–2019. //www.etymonline.com/word/franchise.
2. Franchising Code of Conduct, 30.10.2014, Act № 168. Federal Register of Legislation – Australian Government. // www.legislation.gov.au/Details/F2014L01472.
3. Competition and Consumer Act 2010. Act № 2. (Includes amendments up to: 31.10.2017, Act № 116). Federal Register of Legislation – Australian Government. // www.legislation.gov.au/Series/C2004A00109.
4. Fair Work Act, 2009, 07.04.2009, Act № 28. (Includes amendments up to: 12.12.2018, Act № 170). Federal Register of Legislation – Australian Government. // HYPERLINK «<http://www.legislation.gov.au/Details/C2018C00512>».
5. Australian Securities and Investments Commission Act, 28.06.2001, Act № 51. (Includes amendments up to: 26.10.2018, Act № 132). Federal Register of Legislation – Australian Government. // HYPERLINK «<http://www.legislation.gov.au/Details/C2018C00438>».
6. Income Tax Assessment Act, 17.04.1997, Act № 38. (Includes amendments up to: 12.10.2017, Act № 108). Federal Register of Legislation – Australian Government. // HYPERLINK «<https://www.legislation.gov.au/Details/C2017C00336>».
7. Compliance and Enforcement Policy and Priorities. ACCC. 26.02.2019. // <https://www.accc.gov.au/publications/compliance-and-enforcement-policy>.

ECONOMY. ECONOMIC SCIENCE

ECONOMICS AND MANAGEMENT OF NATIONAL ECONOMY

**LEGAL FRAMEWORK IN THE SYSTEM OF MANAGEMENT OF PARTNERSHIP
RELATIONS BETWEEN THE STATE AND BUSINESS**

© 2019 **Zeldner Alexei Grigorievich**

Doctor of Economics, Professor, Chief researcher
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
32, Nakhimovski prospect, Moscow, 117218, Russia
E-mail: zeldner@inecon.ru

The article discusses the state of the legal framework of a public-private partnership in connection with the adoption of the Federal Law No. 224 “On public-private partnership, municipal-private partnership in the Russian Federation ...”, introduced on January 1, 2016. The article introduces proposals for the correction of certain norms of the law of the law, which will expand the range of opportunities to attract private investment in the Russian economy through the mechanism of public-private partnership.

Key words: public-private partnership, law, investment, socio-economic development.

**INNOVATIVE INFRASTRUCTURE OF THE INVESTMENT MODEL
(FINANCIAL, ORGANIZATIONAL AND LEGAL, INSTITUTIONAL ASPECTS)**

© 2019 **Terekhova Elena Vladislavovna**

PhD in Jurisprudence
Russian State University of Justice
69, Novocheryomushkinskaya Street, Moscow, 117418, Russia
E-mail: Ter_finlaw@mail.ru

This article is devoted to the study of the concept and essential characteristics of the innovation infrastructure. The article analyzes the financial, organizational, legal, institutional aspects of the elements of the innovation infrastructure, taking into account the theoretical and practical analysis.

Key words: innovation infrastructure, investment model, development institutions, venture financing, investment partnership, crowdfunding.